

ДАВИД
ГАЛФАЯН

ХАЦАСА
ЗЕМЛЯ БОГОВ

16+

Давид Галфаян

Хайаса. Земля Богов

<https://litres.ru/64044971>

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98394-6

Аннотация

Мобильная Группа “Гарпунный” ГРУ СССР, заступившая на боевое дежурство, во время операции американских войск в Ираке “Буря в пустыне” попадает в переделку. Вырвавшись из под бомбардировки позиций американской авиацией и избежав уничтожения батальоном охраны, действующем по протоколу обнаружения, группа советских солдат попадает в прошлое, во времена строительства Вавилонской башни. Теперь им надо собраться и преодолев все трудности, найти дорогу домой.

Содержание

Читателю	4
Глава 1. «Курорт»	7
Глава 2. Буря в пустыне	14
Глава 3. Унесенные взрывом	22
Глава 4. Аборигены	32
Глава 5. Стычка	42
Глава 6. Игра в богов, или Устав воинской службы	54
Глава 7. Ошибка	65
Глава 8. Жизнь налаживается	80
Глава 9. Гости	93
Глава 10. Любовь	107
Глава 11. Древо Жизни	118
Глава 12. Ритуал	128
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Давид Галфаян Хайаса. Земля Богов

Читателю

С Давидом Галфаяном мы знакомы давно. В наших нередких беседах мы часто говорили и о важности знания прошлого и истории своей нации. Ведь без этого знания у нас не может быть будущего. И поэтому каждый из нас по-своему (и на русском языке!) старался быть распространителем этих знаний в среде армян, не владеющими армянским языком. Даже подумывали о создании анимационных 3D мультфильмов для детей.

И вот однажды Давид рассказал мне о своем любимом современном литературном жанре, известном, как «попаданцы». Герои книг такого жанра внезапно переносятся в прошлое, будущее, на другую планету, в параллельный мир, ну и т.п., где сами становятся участниками всего происходящего в том времени, а читатель становится их спутником и все это видит глазами и в представлении данного героя. По мнению Давида, именно такой жанр – наиболее доступный и захватывающий, дал бы возможность познакомить молодое поколение с историей своей нации, своего государства и его соседей. И он оказался, бесспорно, совершенно прав. Эта мысль

долго не покидала меня, и в 2018 году родилась моя книга «Возвращение», где герой из 2016 года попадает в VIII век...

А вот герой Давида попадает еще дальше во времени, к самым истокам армянской нации, в период, когда строилась Вавилонская башня.

Сюжет прост, но мастерски сконструирован гармонично подобранными эпизодами и «оживлен» блестяще обрисованными образами героев. Итак, в конце 80-х разведгруппа Советской армии с особым заданием находится в пустынях Ирака. Сильным взрывом их бросает во временной коридор, и в одно мгновение они оказываются в далеком, очень далеком прошлом, но на том же месте, где и находятся. Специальные знания, которыми владеют эти «попаданцы-дембеля», спасают их от многих бедствий. И, как и свойственно этому жанру, они становятся не только свидетелями, но и участниками исторических событий. Интересна встреча и дальнейшая дружба главного героя с Айком Наапетом – праотцом армян, почитаемым во все времена и по сей день. Герой, к собственному удивлению, на подсознательном уровне, сразу же узнает Айку, с которым ему и его группе придется плечом к плечу воевать со Злом – Белом...

Книга Давида – это не просто история. Здесь вы почерпнете неожиданные, весьма познавательные знания об армянском эпосе, быте и жизни народов, живших на этих землях. И все эти знания читатель почерпнет, увидев все глазами советского дембеля.

Книга читается на одном дыхании, и я уверен, что она станет интересной для широкой аудитории.

Гевонд Вардапет

настоятель монастыря св.Архангелов, Иерусалим

Глава 1. «Курорт»

– Ну что, дембеля, наливай. Проспиртуем внутренности, на дежурство скоро, – Потапов плеснул по кружкам спирт из канистры, – последняя командировка. А, армян, скоро домой – на Арарат, кушать спелый виноград?

Никита, в миру – рядовой Никитенко, с Ромкой Рабиновичем смачно заржали.

– Начнем с того, чурка, что ты не русский, правильно говорить не «армян», а «армянин», а закончим тем, что мы уже полканистры выжрали, а нам через час заступать.

– Да ну, на фиг, сейчас дежурный тоже, небось, бухает, уже который день, даже приказ не зачитывают, – отмахнулся Никита.

– А если что пропустим?

– Да тишина в эфире уже неделю.

– Это-то и настораживает, что-то слишком уж тихо, то круглые сутки не умолкали, то тишина... Заметили, за сутки ни одного F-16 не пролетело?

– Не кипишуй, братан, может, устали америкашки, отдыхают, – Ромка поднял кружку.

– Да уж, на отдых приехали. Ладно, проехали. Живы будем – не помрем. Допиваем и собираемся.

Уже полтора месяца мобильная группа особого назначения ГРУ Советского Союза «Гарпунный» дислоцировалась

у границы Ирака с Кувейтом, ведя сбор данных о переброске союзных войск в операции «Буря в пустыне». Жара, сухой паек, нехватка воды и развлечений – вот и все, что ожидало команду до конца командировки. Пожалуй, самая нудная за два года командировка четырех дембелей, «погулявших» от Спутника – на финско-норвежской границе, до Анголы. Выпили-закусили, и самое главное – опять не поспали, ну да хрен с ним, на гражданке отоспимся. А сейчас подъем – строиться.

Бегло осмотрел заступающую на боевое дежурство смену: молодняк, к тому же невыспавшийся, как всегда. Да и остальные не особенно бодрые. На зубах песок скрипит, жара адская, а еще шесть часов дежурства. Но все равно, ребята – орлы: финн Кукконен, кореец Ким, англичанин Смит, узбек Рабинович, короче, двадцать пять человек смены, заступающей на боевое дежурство, и я – «злой армян», как меня называли в шутку, командир «Гарпунного», рядовой... Должность старшинская, но рядовой. Сержантские курсы меня выплевывали три раза с аргументом «советской армии такие сержанты не нужны». Советской армии, может и нет, но должность за мной закрепилась прочно и уже больше года. Самый низкорослый и, чего греха таить, слабый (вон Никита – аж 2.20 росту, кулак с мою голову), знание английского – с грехом пополам, хотя все члены команды знали как минимум два иностранных языка. Но авторитетом пользовался беспрекословным, особенно после того, как чуть не за-

гремел в дисбат – не выполнил идиотский приказ начштаба, чуть не положивший всю смену. Ну да ладно, чего прошлое ворошить – скоро дембель.

АКСы, магазины – все на месте, вещмешки в зубы и – по машинам, десять минут, и мы на позиции. Главное, без происшествий. Лениво вылезли из КамАЗа. Собирался уже отпустить всех по своим местам, как со стороны станции показался дежурный – капитан Закржевский, бывший афганец, раненный в ногу, но не демобилизовавшийся после ранения. Хромота до сих пор заметна, но что всегда было заметно больше – его абсолютный пофигизм. Но, кажись, не в этот раз.

– Для зачтения приказа министра обороны о заступлении на боевое дежурство: с-с-стройсь!

Все обалдело посмотрели на меня, я – на капитана (что самое невероятное – трезвого как стеклышко). Ну, две минутки погоды не сделают, поэтому я продублировал приказ:

– Стройсь! Товарищ капитан, смена для заступления на боевое дежурство построена!

Капитан открывает папку с приказом, минутная пауза, а далее – фраза, вбившая нас всех в глубокий ступор

– Цыгане... дружную толпою... толкали жопой студебеккер... что доказывает техническое отставание Соединенных Штатов Америки. Р-р-разойдись!

И, не дожидаясь, развернулся и утóпал к себе в машину. Все в глубоких непонятках. Смотрят на меня.

– Ну что вам непонятно? Приказ есть, бегом по местам – родину защищать!

Да, думаю, что-то странно день начинается, да и тишина эта напрягает, надо с пацанами поговорить, подготовиться... пока не знаю, к чему, но надо.

– Никита, Потапов, Ромка! Принимаете смену, и сразу ко мне в машину, базар есть. Остальным – ухо остро, слушаем эфир, пока не скажу, что дальше. Оружие при себе держать, и чтоб без расп...ства.

– Ну, чего звал, ара¹? – в машину завалились все трое.
– Чего темнишь? Говори уж, – Потапов захлопнул за собой дверь

– Злой, опять предчувствия мучают? – усмехнулся Никита.

– Давай, брателла, выкладывай, что там, – нахмурившись, выдал Ромка

– Да нечего выкладывать, просто предчувствия нехорошие.

– Да-а, твои предчувствия не раз задницу нашу спасали, – заржал Никита, – только раньше расклады попонятнее были, а что сейчас?

– Да говорю же, ничего конкретного. Просто не нравится

¹ Армянское обращение к мужчине, примерно равнозначное русскому «эй». Безобидно и даже дружелюбно в кругу близких, но вне этого круга воспринимается как выражение пренебрежительности, враждебности и даже может стать причиной конфликта.

мне эта тишина.

– А мне так вообще по кайфу, курорт, – перебил Ромка.

– Курорт, твою мать. Ром, объясняю для особо одаренных: в паре сотен километров америкосов с ихними пукалками больше, чем у себя в Америке.

– Ну ни фигя себе пукалки, я недели полторы назад Б-52 вел, этот если разрядится, пол-Ирака сотрет, – весело сообщил Потапов.

– Не суть, сейчас не Ангола, батальона морпехов, которые в случае чего прикроют, под боком нет – это раз, нас здесь официально не существует – это два, рота охраны, которая не охраняет нас, а пасет – это три.

– Я этому патрулю пару раз накостылял уже, – почесал кулак Никита.

– Подзатыльники раздавать – это одно, а протокол – это другое.

– Че за протокол такой?

– А такой, что в случае обнаружения они обеспечивают, что нас здесь вроде как и не было.

– Не понял.

– Объясняю для Никитенко: первым делом устраняют четырех шифровальщиков со всей документацией и аппаратурой...

– Это этих бедолаг из спецов?

– Ну да – их... дальше возьмутся за нас, а в конце подрывают всю позицию, вот и весь расклад.

– Н-да-а, весело, ничего не скажешь, – прервал Никита повисшую в воздухе тяжелую паузу.

– А с чего это ты взял, что так и будет?

– Ни с чего, но береженого бог бережет.

– Так чего делать-то будем?

– Сейчас пройдетесь по машинам, посчитаете, сколько у кого магазинов. Жрачку всю собрать и держать под рукой. Предупреди всех, что по тревоге собираемся у моей машины. Да, и без особого распоряжения: любой, кто без гарпуна – враг, стрелять на поражение.

– Че, по патрулю тоже?

– Я же ясно сказал: без особого распоряжения, кто без гарпуна – тот труп.

– Злой армян, – поставил точку Ромка.

– А теперь – разошлись по машинам, через час собираемся у меня, а я на доклад к Закржевскому.

Ребята вылезли из машины и потопали выполнять приказ. Из угла послышался какой-то шорох. Повернул голову: а-а, Ден, стажер, сидит бледный – салабон. Я улыбнулся, подмигнул, мол, не ссы, салабон, все хорошо будет.

– Разговор слышал?

Ден кивнул.

– А что делать – понял?

Опять кивок.

– Ну так, а что сидим? Шуршим, боец, шуршим... или я тебе сопли собирать буду? Да, и вот еще что: если что, дер-

жись рядом, понял? От меня – ни на шаг! Если меня нет, держись дембелей, понял? Они, если что, из задницы вытащат, и главное – не кипишуй, и думай головой, а не жопой. Понял?

Кивок.

– Ну, вот и молодчина.

Глава 2. Буря в пустыне

Сижу, откинувшись спиной на колесо, пытаюсь разглядеть звезды на небе, только хрена с два: в воздухе только песок, поднятый ветром: то ли шараф – по-местному, то ли, хамсин. Ладно, хоть солнце не жжет, и то хлеб. Закрыв глаза. Домой хочу, к друзьям, к бабам. Ничего, немного осталось. А пока собрал вещмешок, оружие проверил. Курево – самое главное – кинул в вещмешок. Кстати, о куреве... достал из новой пачки сигарету, прикурил. Закрыв глаза. Тишина. Параноик, блин.

В машине зажужжал телетайп.

– Ден, что там? – Денис, молодой боец – на первом выезде, у меня пока на стажировке.

– Лисица через собаку прыгает.

– На пеленг отправь, наш клиент или нет.

– Уже.

– Молоток, салабон.

– О, шифровка пошла.

– Получишь пеленг, запиши и дуй сюда.

Через пару минут жужжание прекратилось.

– Наши клиенты, – крикнул Денис.

От неожиданности я аж вздрогнул.

– Чего орешь, блин.

– Ну, ты ж велел на пеленг послать, так вот – наши это

клиенты.

– Ладно, запиши все и тащи ко мне, отнесу дежурному.

Через секунду Денис уже стоял рядом с распечатками в руках

– Значит так, наш разговор с пацанами слышал?

– Ага.

– Ну, тогда знаешь что делать. Да, у меня за приемником сигареты, закинь к себе...

– У меня свои есть.

– Сказал бери, значит бери, запас лишней дырки в заднице не сделает.

– Ла-адно.

– Не ладно, а так точно, салабон.

– Так точно, – улыбнулся Денис и шмыгнул обратно в машину.

Встал, потянулся, поправил жилет с магазинами, засунул бумаги за пазуху и потопал к машине Закржевского. Темно-та, хоть глаз выколи, все из-за шарафа этого. Благо, идти пару минут.

– Разрешите войти, товарищ капитан?

– А-а, злой армян, заходи, гостем будешь, что принес?

– Да вот, перехватили...

Капитан бегло просмотрел бумаги, поднял голову и неожиданно спросил:

– Давид, а что тебя «злым» кличут? Вроде наоборот, за-

ботишься о своих, как мамка рѳдная, чуть не сопли подтираешь, молодых в обиду не даешь.

– Так тѳ – своих...

– А-а, – улыбнулся капитан, – помню-помню, что ты с морпехами в Анголе учудил...

Я только скромно пожал плечами. Ну, подрались малость, ну, чуть полгорода не разнесли... бывает.

– Хачатурян, что-то ты не в духе сегодня, выкладывай, что у тебя.

– Да ничего определенного, одни предчувствия, но, на всякий, всех ребят предупредил, чтоб не расслаблялись, а в случае чего – сбор у меня.

– Учту.

Дверь неожиданно открылась, в машину нырнула бело-брыся голова Потапова.

– Товарищ капитан, у нас тут активность на всех постах – «16»-ые в воздухе, не считая двух «52»-ых.

– Ух, ни хрена себе. Давай сюда материалы.

Потапов передал пачку бумаг.

– Это со всех постов, да еще тут к патрулю один БТР подъехал, – взглянув на меня, сказал Потапов, – не по нашу ли душу?

– Заткнись и не кипишуй, – не смог я сдержать раздражения, – иди в машину, жди меня там.

Потапов испарился. Я посмотрел на капитана. Тот листал документы с перехваченной информацией.

– Кажись, началось, Хачатурян. Выгляни, только осторожно, глянь, что там патруль делает, а я пока с начальством свяжусь.

Я встал в дверях, прикурил сигарету. Боковым зрением засек, как взяли под охрану машину шифровальщиков и рассыпались по периметру

– Патруль уже готов к протоколу, – кинул я через плечо.

Докурив сигарету, я щелчком выкинул бычок и уже соби-
рался войти обратно, как из темноты вынырнул узик ком-
бата. Хм, быстро, однако. Подполковник Усов пулей вылетел
из машины и побежал к нам, крикнув на ходу:

– Хачатурян, ты что здесь прохлаждаешься, а ну быстро на пост!

Я оглянулся на Закржевского, тот кивнул, и я пошел к се-
бе. Надеюсь, будет приказ сворачиваться, и очень надеюсь,
что успеем.

Пройдя метров двадцать, посмотрел в небо. Сверху на-
растал гул, от которого закладывало уши. Я ускорил шаги.
Гул перерос в визг «16»-ых. Дальше все развивалось, как в
замедленной съемке: я оглянулся назад и увидел, как, рез-
ко подпрыгнув, подорвалась машина дежурного. Волной ме-
ня отшвырнуло в сторону. На пару секунд я отключился и
пришел в себя от того, что кто-то тащил меня. Запроки-
нул голову – а, Потапов. В ушах звон. Краем глаза заме-
тил, как несколько человек залезают в машину шифроваль-
щиков. Жалко пацанов, конечно, но по протоколу, первыми

устраняют именно их – с их же добром. И тут их машина вместе со всеми тоже взлетела на воздух. Блин! Так это не протокол работает, это нас сверху мочат!

– Потапов, пулей к нашим, уводи всех от машин, я в порядке. Патруль валите, не раздумывая. Я сейчас буду.

Потапов ушел. Оставшись один, я сделал пару глубоких вдохов и встал на ноги. Звон в ушах еще не прошел, и голова шла кругом, из носа кровь – контузия, стопроцентная. Собравшись, побежал к обломкам машины дежурного и, убедившись, что искать уже нечего, хотел было вернуться, но решил, что надо шифровальщиков проверить, хотя маловероятно, что кто-то выжил, но чем черт не шутит... Повернулся в сторону их машины, но вдруг в отблеске пламени промелькнули какие-то тени. Окликнули. Ушел в тень – от греха подальше, и вовремя – застрекотала автоматная очередь, правда, в пустоту. Откатился назад, скатился по склону, решил обойти, один-то в поле не воин – шапками закидают, не отобьюсь. Лучше к своим пробраться, так больше шансов отбиться, двадцать пять человек на смене против роты патруля. Пробьемся.

Ориентироваться в темноте сложно, хотя всю позицию знаю как свои пять пальцев. А вот где ребята закрепились, хрен его знает. Я даже Потьке не сказал, куда именно отходить, сказал только, чтоб подальше от машин. И тут послышалась перестрелка. Вот туда мне и надо. Потапов не увел ребят, решил ждать меня на месте сбора, то есть у моей ма-

шины. Ох, Потапов, вот выпутаемся из переделки, морду на-
бью падле за нарушение приказа. В это время опять усилился
визг двигателей «16»-ых, и темноту осветили еще несколь-
ко вспышек взорвавшихся машин. Красиво работают, пад-
лы, ничего не скажешь. Нужно быстрее уводить ребят отсю-
да, пока еще одной волной не накрыло. Сыграем в открытую,
надеюсь, что и патрулю не сладко будет. Встал и побежал к
своей машине, по дороге кольнула мысль: «блин, я же биб-
лию забыл вытащить из заначки, если успею, вытащу, талис-
ман как-никак». Мысль кольнула и ушла. Передо мной вы-
росли несколько силуэтов в черной форме – патруль. Пять
коротких очередей, и путь свободен. Сейчас главное, чтоб
меня свои же не положили. Залег за валун.

– Потапов, твою мать, вы?

– Мы, армян, тебя дождаемся.

– Твою мать, я тебе что сказал делать, ждать или отхо-
дить?!

– Нам вдвоем на дембель, Дав, так что ...

– Ладно уж, выберемся – поговорим.

– Слыхали? Бить будет, – заржал Потапов.

– Эй, пацаны, харе базарить, ара, давай к нам, пора ноги
делать, долго мы так не протянем, – подал голос Ромка.

Низко пригнувшись, я преодолел последние пятьдесят
метров и притаранился рядом с Никитой.

– Так, Никитенко, что тут у нас?

– Наши все на ногах, патруль, человек сорок-пятьдесят,

со стороны дежурки насаждает, как бы в кольцо не взяли.

– Для кольца людей маловато, но все равно отходить надо, пока не накрыло с воздуха. Капитана с комбатом накрыло, ни хрена не осталось. Шифровальщиков то ли патруль положил, то ли с воздуха тоже, короче, из спецов только мы остались. Никит, берешь людей, отходишь к той высоте. Потапов, Ромка, Гаркуша, остаемся прикрывать отход. Ну все, пошли, пошли... бегом, мать вашу!

– Все, пошли. По-ошли-и! – заорал Никита, повторяя приказ и пытаясь перекричать грохот стрельбы и нарастающий гул самолетов сверху. – Ара, вы тут тоже особо не задерживайтесь.

– Если что, Никит, берешь людей и вперед на базу, к Резникову. Ротный разберется, что делать, только смотри, на патруль не нарвись по дороге. Людей, главное, людей доведи.

– Сам доведешь, не хрен тут каркать. Все, мы пошли.

Никита растворился в темноте вслед за остальными. Почувствовав, что плотность огня снизилась, патруль полез активнее. Блин, и голову не высунешь. А гул нарастает.

Все, время вышло.

– Так, Ромка, Потап, Гаркуша, живы?

– Я да.

– И я.

– Я тож.

– Зашибись. Уходим отсюда, ща с воздуха долбанут на хрен, быстрее, быстрее, смотрите только, не подставьте зад-

ницы под пули.

Короткими перебежками начали отход. Главное – успеть, чтоб с воздуха не накрыло.

И вдруг перед глазами выросла стена огня. Взрыв, перебивающий звук самолетов и разрывающий сознание на миллион кусков. «Все, вот тебе и дембель», – последняя мысль и... темнота.

Глава 3. Унесенные взрывом

Блин, ну что за твою мать! Веки еле разлепились, перед глазами все плывет. Вроде уже солнце взошло. Глаза и рот забиты песком – тьфу, гадость. Блин, как пить хочется, аж трясет, все бы отдал за глоток воды... и опять проваливаюсь в темноту.

Интересно, давно я так валяюсь? Кстати, если думаю, значит, пока жив. Насколько – непонятно, но жив. Открываю глаза, но с тем же успехом – все плывет, с трудом пытаюсь сосредоточиться. Блин, воды бы глоток. Так, снова попробуем собраться. Глоточек бы воды! Кажись, меня кто-то тащит. Запрокидываю голову, пытаюсь сфокусировать взгляд. Вижу только силуэт. Закрываю глаза, еще раз пытаюсь собрать сознание в кулак... открываю глаза – уже вроде получше. Э-э! Да это Ден меня куда-то тащит! А чего морда у него грязная, слезы и сопли по всему лицу размазаны, орет чего-то. Стоп! Орет. А почему я не слышу? Только сейчас заметил, что все происходит в какой-то усыпляющей тишине. Устал, посплю лучше. И опять темнота.

...Снова пришел в себя: стемнело уже или это перед глазами темно? Не-е, все-таки стемнело – вон кто-то у костра сидит, разговаривают о чем-то. О! Кажись, и слух вернулся. Пытаюсь встать. Приподнялся и... тут же вырвал. Но зато башка меньше гудеть стала.

– Мужики, Злой очнулся, – кто-то крикнул под ухом и подхватил за плечи

– Воды глоток дай, – к губам сразу поднесли фляжку.

Глотал я воду жадно, хотя впечатление такое, что до желудка не доходит, организм по дороге все как губка впитывает.

– Ден, хватит, а то опять блеванёт, дай ему в себя прийти, – откуда-то сверху послышался голос – кажись, Никиты.

Оторвался от фляжки, вздохнул, прикрыл глаза.

– Э-э-э, армя-ан, не умирай, – кто-то стал трясти, и голова взорвалась резкой болью.

– Блин, хватит трясти, я от этого скорей сдохну. Башка раскалывается, – собственный голос не узнал – то ли сорвал, то ли со слухом чего.

– Ден, оставь его, пусть отдохнет, – пробасил Никита.

– Какой на фиг отдохнет, на том свете отдохну.

– Так ты вроде только оттуда, – опять подал голос Никита, и народ заржал.

– Чего ржете, кони ратные, лучше помогите встать, – не дожидаясь помощи, попытался встать сам, но спину и правую ногу пронзила резкая боль.

– Чу-чу-чу. Армян, мы тебя тут немного подлатали, так шо, без резких движений, а то швы разойдутся, опять рукодельничать придется, а ведь старался, зашивал, – на этот раз голос, кажись, хохла Галузы – приколіста нашего.

– Рюшечками и оверлоком? – улыбнулся я.

– Во-во, Карден отдыхает, – народ опять заржал.

– Ладно, товарищи кутюрье. Вроде чуток оклемался, помогите сесть и начнем разбор полетов.

– Америкашек или наших?

– И тех и других.

Мне помогли сесть поближе к костру.

– Армян, ты сначала горяченького покушай, вот, пожалуйста, – Тайжанов, самый хозяйственный узбек «Гарпунного», подал котелок с кашей, – кашки поешь, сам готовил.

Принял от Тайжанчика котелок с едой, стал жадно есть. «Блин, это сколько ж я в отключке был, что меня так на хавчик понесло», – поймал я себя на мысли.

Поднял глаза, смотрю, ребята сидят вокруг и молча на меня смотрят. То ли ждут, пока доем, то ли еще чего.

– Вы-то поели?

– Да от пуза, я много приготовил, ты ешь, ешь, – успокоил меня Тайжанов

В молчании доел, отдал котелок обратно, запил водой.

– Ну давай, Никит, чем порадуешь?

– Нас двадцать один теперь, пятерых потеряли.

– Очко, – неуклюже пошутил Ромка.

– Кого?

– Гаркуша с вами был, когда вас накрыло, его на куски разорвало. Еще четырех при отходе потеряли, тоже когда с воздуха накрыло.

– Да-а, хреновенько... остальные как? Ранены?

– По мелочам, царапины в основном.

– Мы, как рассвело, вас пошли искать. От позиции ни хрена не осталось, сровняли с землей. Думали, и вас потеряли, уходить собирались, да вот Ден вас нашел, слава богу.

Я кинул взгляд на стажера. «Держись к дембелям поближе», – советовал ему, а вот он меня вытащил. Чуть заметно кивнул ему, он в ответ улыбнулся. Хорошо, потом поговорим.

– Так, личный состав двадцать один человек. С этим определились. Что с америкашками?

– Успокоились. Да и бомбить уже нечего.

– А патруль?

– Не тревожили, видно, всех этих сук с воздуха накрыло, да и хрен с ними.

– Вокруг прочесали?

– Да. Никого.

– Ладно, а что у нас с припасами?

– Еды завались, дня на два хватит. Калашей штук пятнадцать лишних, нашли на позиции, вроде в нормальном состоянии, два РПК с боеприпасами, да для калашей два цинка патронов нашли, ящик тротила чудом уцелел, ну и куча штык-ножей.

– Нам столько не надо.

– В хозяйстве все пригодится, – улыбнулся Никита.

– Домовитый ты наш... С базы вести есть?

– Нет.

– Людей посылал?

– Нет.

– Хреновенько, товарищ Никитенко, хреновенько.

– А я что, пока суд да дело, ну и ты уже очнулся, вот сам и разбирайся, командир ... Злой.

– Сколько сейчас?

– Час пятнадцать.

– Так, Галуза, Кузин, автоматы в зубы и по-тихому, налегке – на базу. Не светитесь. Посмотрите, что к чему, на патруль не нарвитесь, сначала издалека обстановку посмотрите, если все спокойно, в чем я лично сомневаюсь, то к Резникову пробегитесь. Доложите ротному, что да как, пусть скажет что делать, и пулей обратно. Но это в крайнем случае, если сто процентов там все спокойно, не геройствуйте. Галуза, тебя это особенно касается, понял?

– Понял, командир.

– Если там тоже кипиш, то молча обратно. Кузин – за старшего. Все, пацаны, вперед.

Кузин с Галузой молча встали, проверили оружие и ушли.

– Никита, выставь караул, всем остальным – отбой. Кузин с Галузой вернутся – сразу меня будите.

Никита растолкал меня на рассвете. Светало, как говорится...

– Армян, Кузин с Галузой вернулись.

– Давай зови, только отойдем, чтоб ребят не будить, пусть

спят пока.

Я взял чью-то фляжку, глотнул, остальное вылил на голову. Голова уже не так болит, штаны порванные, все в крови, да и ХБ тоже не первой свежести. Снял, осмотрел: на спине все разодрано, зашить надо, а то вид, как у бомжа... блин.

Кинул пока хебешку на вещмешок, остался в тельнике.

Отошли подальше, сел на валун.

– Ну, что там, – внутри был страх услышать самое страшное.

Кузин с Галузой переглянулись. Кузин как старший начал докладывать.

– Короче ... нет базы.

Внутри все перевернулось. Может, внутренне я и предполагал, что так будет, но надеялся, что пронесет.

– Неужели никто не выжил?

– Армян, ты неправильно понял – базы вообще нет, – наверно, у меня с Никитой на лицах застыл немой вопрос, поэтому Кузин продолжил, – во-об-ще, будто ее и не было.

– Я чего-то недопонимаю, – подал голос Никита.

– Я, по-моему, тоже, вы по-человечески объяснить можете?

– Ну, пришли мы туда... а там ни людей, ни палаток, ни машин, вообще ничего и никого.

– Что, свалили?

– Не похоже, там, походу, будто никогда и не было никакой базы, – встрял Галуза.

– Блин, что за херню вы несете, как это не было, а мы где прошлые сутки провели, по-твоему?– вскипел я.

– Армян, не кипятись, мы, когда туда добрались, сначала тоже подумали, что народ с места снялся и свалил. Мало вероятно, но получается... бросили нас. А потом чувствую, что что-то тут не то, сначала не понял, что именно, а потом въехал: мы ведь там месяц дислоцировались, а там ни одного бычка, ни соринки – чистая, девственная природа, как в «Клубе кинопутешественников». В общем, непонятки. Даже на том месте, где толчок был, и то ... короче, как в хирургии чистота.

– Бухали?

– Армян, ну шо ты, в натуре, мы серьезно, – Галуза обиделся.

– Пацаны, вы хоть понимаете, что пургу несете? Как так «нет базы»? Их что, инопланетяне телепортировали вместе со сральней? Для опытов?! Может, не туда пришли, заблудились?

– Ну, ты из нас дураков-то не делай, армян. Говорим как есть, а не веришь, сам сходи посмотри, – в воздухе повисла очередная пауза.

Пытаюсь переварить информацию, которую только что получил, и понимаю только одно – полная пурга. Полная!!!

– Ладно, вы вдвоем отдохните с часок, потом вместе пойдем посмотрим, что там за инопланетяне советских солдат крадут.

– Армян, харе прикалываться.

– Все. У вас час на отдых. Никита, пошли, – сказал я. – Значит так, Никит, пока я схожу на базу, остаешься за старшего.

– С кем идешь?

– Ну, Галуза с Кузиным и... еще двое, Тайжанов и ...

– Можно, я с вами? – к нам подошел Ден.

Секундная пауза.

– Что не спишь?

– Да вот, только проснулся.

– Хорошо, с нами пойдешь.

– Это же салабон, армян.

– Этот салабон вчера мою задницу вытащил.

– Ну, как знаешь.

– Иди, собирайся. – Ден радостно убежал.

– Пока мы туда метнемся, укрепитесь здесь, а то как на ладони все.

– Что, здесь остаемся?! – в глазах Никиты явное недоумение.

– Нет, но это ты должен был сделать еще вчера.

– Так никого же в округе нет.

– А если есть?! А-а, Никита же подумал «а никого же нет», – съязвил я, – короче: к нашему возвращению чтоб укрепились.

– Сделаем, не кипятись.

Пошел собираться, еще штаны и хебе зашить надо, кепку

потерял, надо бандану сварганить, чтоб башку не припекало, а то, не дай бог, удар солнечный получу.

– Давид, – я повернулся: Ден стоит, что-то протягивает, – тут я, когда у тебя курево из твоей заначки брал, я это нашел и тоже прихватил.

У меня от радости внутри защемило, неужели спаслась? Развернул тряпочку – как раз на бандану. Что у нас внутри? Так и есть – Библия. Ее мне подарил в первое мое увольнение, еще в учебке, армянский священник, которого я случайно встретил в Питере. Библия на армянском и крестик, который я с того дня не снимал.

Кстати, с крестиком была связана история очередного «невыполнения» мною приказа: когда начштаба однажды увидел у меня на шее крестик, приказал снять. Я отказался. Он два раза повторил приказ. С тем же успехом. А потом объявил построение всей бригады, придурок. И перед всей бригадой объявил: если я не выполню приказ, то сгнию в дисбате. Перед всей бригадой! Я опять отказался выполнять, дескать, «я верующий и крестик не сниму!» Хотя назвать меня прям таким уж верующим сложно... так, иногда в церковь мог зайти, свечку поставить. Библию читал чисто из интереса, на этом, пожалуй, и все. Истинным верующим меня назвать трудно, но тут дело принципа. Тогда начштаба произнес сакраментальную фразу, которая и спасла меня.

– Я коммунист, я верю в коммунизм, но я же партбилет на шее не ношу, – бригада со всем офицерским составом стала

выпадать в осадок. В общем, замполит меня отмазал, и обошлось все десятью сутками «отдыха» на губе.

Я в приметы не верю, но как-то подсознательно считал библию и этот крестик своими талисманами и теперь верил, что все будет хорошо. Все.

– Спасибо, Ден.

– Да не за что.

– И за библию спасибо, и за то, что вытащил меня оттуда.

Ден промолчал.

– Все, идем налегке, лишнего не брать. Иди, готовься.

Глава 4. Аборигены

Вышли через час, как и задумывали, впятером. Маршбросок налегке – и через часик уже на месте. Но всю дорогу меня не покидало чувство, что что-то не так, что-то неправильно. Только вопрос – что? А вот это я понял чуть позже. А сейчас надо бегом, пока солнце не начало палить вовсю.

До места, где дислоцировалась база, дошли быстро. Как и утверждали Кузин с Галузой, никого там не оказалось, но самое удивительное было то, чему я сначала не поверил: полное отсутствие чего-либо, указывающего на то, что она здесь когда-то была.

Сел на камень, прикурил.

– Ну что, убедился? – Галуза с Кузиным присели рядом.

– Н-да, что за хренотень творится, а! Я сначала думал, что не туда пришли.

– Армян, там дорога проходила, – Тайжанов указал, где была дорога.

– Ага, а там вышки электропередач. И куда все это делось? – согласился я.

– За тем холмом станция водокачки была, пойдем глянем? Заодно хоть воды наберем, – добавил Галуза, глотнув воды из фляги.

– Так, отдыхаем полчасика и начинаем прочесывать округу, может чего и найдем. Тайжанчик, ты же на местном фун-

циклируешь?

– Не, армян, на фарси – да, а на арабском не очень.

– Ну, ты же с местными как-то общался, я помню, вон барашков нам подогревал, лепешки ихние.

– Ну... только совсем немного.

– Хорошо, разберемся, будешь переводчиком, – улыбнулся я.

Чем дальше мы прочесывали территорию, тем в больший ступор это нас вгоняло, Никаких признаков цивилизации – ни дорог, ни проводов, ни самолетов в небе, ни даже мусора, обильно заполнившего наш, привычный мир. В общем, в таких раздумьях мы поднялись на холм, за которым, как мы думали, была насосная станция.

– Всем лежать!

Все автоматически упали на землю, передернули затворы.

– Так, без резких движений, лежим и пока наблюдаем.

Внизу у подножия холма, там, где мы ожидали увидеть станцию, перед нами лежал оазис с маленьким прудиком посередине, но не это было самое интересное: вокруг пруда стояли палатки – или шатры, не знаю, как правильное назвать. Шатры были покрыты шкурами животных. Рядом с центральным шатром горел очаг, вокруг которого хлопотали женщины. Одеты они были, мягко говоря, экстравагантно. Вернее, не одеты, а прикрыты – местами. Из одежды на

них была набедренная повязка до щиколоток и... пожалуй, и все, если не считать ожерелий и браслетов на руках и ногах. Наверное, это было первое, что увидели пятеро солдат, которые застыли от вида женщин – понятно, давно не были в увольнении. Недалеко от женщин в луже резвились малыши – примерно лет пяти, а дети постарше перегоняли стадо овец.

– Чего-то мужиков не видно, – прошептал Галуза, – может, в гости сходим к девочкам?

– Я вот тебе схожу щас – между глаз.

– Что-то я не припомню, чтоб местные так одевались, они тут вроде с головой закрываются, – недоумевал восхищенный Кузин, не в силах оторвать взгляд от женщин.

– Паранджа называется, – услужливо подсказал Тайжанов.

– Хватит на баб пялиться, изучаем обстановку, и это вообще не значит только на грудь их глазеть. Давайте поближе подползем, по-тихому, чтоб не засекали нас.

Только мы собрались спуститься с холма, как вдруг в это странное поселение прибежал пацан лет двенадцати и, что-то крича, стремглав помчался к центральной палатке. Из палатки, или как она там у них называется, вышел мужчина лет пятидесяти, хотя с такого расстояния точно определить трудновато. Пацаненок бухнулся перед ним на колени и, укаывая рукой куда-то в сторону, начал что-то захлебываясь рассказывать. Жаль, отсюда не слышно. А в поселке началась суматоха. Женщины разбежались по палаткам, зато по-

явились еще шестеро мужчин, что самое интересное – с копьями и плетеными щитами.

– Эт-то шо еще за первобытно-общинный строй, – заржал Галуза, тут же схлопотав от меня подзатыльник.

Мужчины были одеты примерно так же, как и женщины, только повязки были покороче, да за широкий пояс тесак засунут.

Галуза прошептал, еле сдерживая смех.

– Армян, ну ведь ржачно же, – мужики в юбках и с шампурами.

– Ох, Галуза, сдастся мне, что эти «мужики в юбках» на этот шампур тебя наденут, а ты даже не поймешь, как это вышло, так что молчим и наблюдаем.

И тут вдалеке показалась повозка, запряженная двумя быками, которую сопровождали человек сорок воинов, и, по моему, покруче тех, которые были в поселении. Откуда вывод? А очень просто: во-первых, вооружение добротное – копья и тесаки, да еще некое подобие доспехов на руках и на груди. Ну, наверно, от чего-то все-таки защищают. В колеснице (или повозке, черт их разберет), кроме самого возницы, стоял мужик в кожаном шлеме и в плаще, накинутом на плечи – старший, наверно.

Въехав в поселение, отряд рассредоточился и начал сгонять народ к центральному шатру. Людей набралось не очень много: в основном женщины, дети, да пара дряхлых стариков. Местные солдатики слабо попытались сопротивляться,

но всего за пару минут их привели в чувство «дешевым и сердитым способом» – подзатыльниками и тупыми концами копий, легко и быстро объяснив, кто в данный момент хозяин положения. Старейшина пытался оправдаться, отчаянно жестикулируя руками.

– Жалко, ничего не слышать, – Кузин поправил кепку.

– А что тебе непонятно – простой наезд. Вмешаемся?

– Сидим... вернее, лежим и наблюдаем, – угомонил я ребят.

К этому времени местные вроде задобрили командира прибывшего отряда: какую-то подстилку типа ковра постелили, «поляну» накрыли.

Женщины засуетились: на ковре, расстеленном прямо на земле, появились разные кушанья. Блин, голодный я, сколько мы здесь? О, уже почти два, а мы еще не жрамши. Посмотрел на ребят – ясно, тоже голодные. Ну, пока они там трапезничают, мы тут сухпайком перебеьемся.

– Ну что, мужики, давайте и мы червячка заморим, пока они там общаются.

– Так, видать, они тут надолго. Вон, там уже ухаживания пошли, – Галуза кивнул в сторону, там мужик тупо взял одну из девок за волосы и потащил в шатер.

– Шайтан, – сквозь зубы выдавил Тайжанов.

– Что? – не понял Ден.

– Суки, говорю, – взревел Тайжанчик, я улыбнулся его столь вольному переводу.

Надо в лагерь кого-то послать, предупредить, что мы здесь задерживаемся, чтоб кипиш не подымали. Только кого – Дена? Салабон, потеряется еще. Тайжанчика? Он мне здесь нужен – как переводчик. Остался Кузин, он вроде поответственной всех будет.

– Так, Кузин, давай, дуй к нашим, скажи, что мы тут задерживаемся, пусть не беспокоятся, а мы пока немного наблюдаем. Думаю, не надо напоминать, что мы не одни, так что поосторожнее.

– Мне вернуться?

– Не, оставайся там. Хотя... знаешь что, посмотри, что у нас там с припасами, если надо воды, возьми пару ребят, канистры и давайте сюда – запасы пополним, думаю, нам не откажут.

– Все, я пошел, – Кузин отполз назад, встал и, пригнувшись, чтоб не заметили, спустился с холма и побежал в сторону нашего лагеря.

А у подножия холма все шло своим чередом, народ от души веселился: мужики жрали, заваливали девок, кидали костями в местных пацанов и ржали.

– Они их конкретно чморят. Армян, может, вмешаемся?

– Сиди на месте, Галуза, приглуши свою жажду справедливости и в местные разборки не лезь, пока не разберемся, кто есть кто, и что за фигня тут творится. Если ты думаешь, что мне нравится все это, то ошибаешься.

– Ладно, молчу.

Так прошло пару часиков, и народ начал помаленьку собираться. В колесницу их главного закинули какую-то девочку, двое-трое воинов начали отгонять отару овец, хотя местные чуть ли не на коленях просили не забирать. Но видно, плохо просили, потому что отару все же забрали, и девочку, кстати, тоже, хотя мне показалось, что о ней не особенно печалились. И помаленьку двинулись в обратный путь.

Как только отряд скрылся из виду, народ внизу успокоился, малолетние пастушки куда-то сбегали и пригнали отару – даже побольше, чем у них угнали

– А хитрозадые, – улыбнулся Галуза.

– Ай молодца, – поддержал Тайжанчик.

– Каждый крутится, как может – вставил я.

– Может, спустимся в деревню, ара, воды наберем?

– Не хочу пока светиться, Тайжанчик.

– Ну, или выменяем на что-нибудь, мы что, мы же без наездов, типа – просто путники.

– Ага, путники с калашами, – улыбнулся я.

– По-моему, они не очень знают, что это такое. Исходя из того, что я видел – копыя, щиты – первобытно-общинный строй прям, – заерзал Ден.

– Бронзовый век, вообще-то.

– О, Ташкентский университет, узнаю, – хмыкнул я.

– Да, исторический факультет, – уточнил Тайжанов.

– Однако... ну шо, рискнем? – Галузе не терпелось.

– Заодно и первый контакт попробуем наладить. Тайжан-

чик, ты у нас за переводчика. Что менять будем?

– У меня брелок есть – фирменный! Думаю, за него воды разрешат набрать, – Галуза протянул мне брелок с логотипом «Мерседес», – от сердца отрываю.

– Хорошо, все начеку, автоматы с предохранителя сняли, затворы все передернули – на всякий. Спускаемся так, чтоб нас издали было видно, в руках ничего не держать, чтоб не волновались особо. Все, походу, у нас вроде явное преимущество, если у них для нас ни каких сюрпризов не будет.

Обойдя поселение с востока, мы стали медленно приближаться, стараясь, чтоб нас издали было видно. Как и ожидалось, местное правительство в лице поселкового вождя со своими «идальго», выставив копья вперед, вышли навстречу. Я демонстративно поднял руки вверх, доказывая, что в руках ничего нет, стал медленно приближаться, прихватив с собой Тайжанчика, а остальным показал, чтоб ждали. Подойдя поближе, остановились

– Тайжанчик, ты им скажи, мол, мы солдаты советской армии, проходили мимо, водички решили набрать. Если, конечно, им не в падлу поделиться. Восточное гостеприимство, то да сё. Ну, ты знаешь.

Тайжанов сделал шаг вперед и уже открыл было рот, но тут произошло непредвиденное, нечто такое, что выбило нас в аут – и не первый раз за сегодняшний день. Старейшина заговорил, но удивительно было не это, а ... я, да и по лицу Тайжанова было ясно, что и он ... короче, мы его спокойно

понимали.

– Я Хавила, сын Хуша, от семени Хама. Кто вы, путники, и что хотите? Это наши земли, милостиво дарованные нам Баалом для пропитания.

Мы с Тайжанчиком переглянулись, и поскольку Тайжанчик потерял дар речи, то попробовал заговорить я.

– Я Давид, сын Хосрова, из рода Дающих крест², мы просто путники, хотели бы напиться воды и пополнить запасы. И мы сразу же уйдем.

– Армян, походу, они тебя понимают, – прошептал Тайжанчик.

Почувствовав некоторое замешательство, я решил предложить брелок.

– Прими небольшой дар в знак наших мирных намерений, – я протянул ему брелок, блестящий такой.

Походу, теперь ступор у них.

– Это амулет, который защитит ваше поселение, – я решил наделить брелок небывалым статусом.

– Нас защищает Баал, – нерешительно начал их главный.

– Ну, а от Баала? – видно, я попал в точку, потому что он дрожащими руками принял дар и, удостоверившись, что небеса не разверзлись и он еще жив, крайне обрадовался, и не только он, но и его парни. Те сразу начали разглядывать подарок, от восхищения даже про нас забыли. Налюбовав-

² Хачатурян – в переводе с армянского: «Хач» – крест, «тур» давать т.е. «дающий крест».

шись брелоком-амулетом, они вспомнили о нас и пригласили к шатру.

Глава 5. Стычка

– По дороге сюда мы увидели отряд, который шел как раз отсюда. Расположившись на ковре под навесом, они наслаждались вареной бараниной, любовались окружающей природой и присутствующими девушками, неспешно вели светскую беседу

– Да это, наверно, люди Баала. Они рыщут везде – людей набирают на строительство зиккурата Этеменанки³ – дóма, где небеса сойдутся с землей, и, как говорит Баал, мы сравнимся с богами

– А кто это – Баал?

– Как?! Вы не слышали о Баале? – искренне удивился Хавила. – Вы откуда? Баала знают все. Баал – сын Неброда, сына Местраима, сына Хуша, сына Хама. Он победитель дракона, победитель Яма – бога моря.

Видно, у меня на лице явно читалось, что это мне ни о

³ Зиккурáт (от вавилонского слова *sigguratu* – «вершина», в том числе «вершина горы») – многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектуры. Самый высокий зиккурат (высотой 91 м, одна прямоугольная ступень и семь спиральных – всего 8) находился именно в Вавилоне. Он назывался Этеменанки, что означает «дом, где сходятся небеса с землёю». Одно из названий Вавилонской Башни в повествовании – Зиккурат, и это не просто архитектурное строение, а «главный герой», вокруг которого фактически развивается вся сюжетная мозаика.

чем не говорит, поэтому он продолжил.

– Баал собрал всех потомков Ноаха и начал строительство Зиккурата – до небес, чтоб сравнить людей с богами.

В памяти начало что-то склеиваться, вспомнилась древняя армянская легенда про Айка и Бела, про строительство Вавилонской башни. Кровь в жилах застыла...

– Может, Бел, а не Баал?

– Да, да. Потомки Хабета его так и называют! Значит, вы потомки его? – радостно закивал Хавила.

Хабет... А может, Яфет – сын Ноя? Блин, хренотень какая-то. Куда мы попали?

Я вытащил из-за пазухи Библию и стал листать, пытаюсь найти отрывок о Вавилоне. Видать, смешения языков еще не произошло, вот мы и понимаем друг друга без переводчиков... блин, бред какой-то. От чтения меня отвлек Ден: дернув меня за рукав, он кивнул в сторону. Подняв взгляд с книги, я увидел, что все жители пали на колени передо мной, а Хавила, боясь даже голову поднять, протягивает ко мне дрожащие руки.

– Простите нас, простите, мы не знали. Мы приняли вас за людей

– Так, Хавила, мы и есть люди. Что с тобой? А ну, вставай. Пацаны, поднимите его, воды дайте, а то окочурится, не дай бог.

Хавила снова сел напротив, но поднять глаза никак не решился. Чтоб он немного расслабился, я убрал библию и спро-

сил

– Хавила, что это было? Вы что, книг не видели? Хотя откуда, если сейчас реально времена Вавилонской башни. Ну... рукописей, свитков?

– Только боги могут черпать мудрость из великих знаков, – сказал Хавила и снова попытался брякнуться на колени, хорошо, ребята еще не отошли и успешно предотвратили эту попытку, – простой человек сгорит на месте, если коснется источника мудрости.

– Походу, я ему подарил бы источник мудрости плейбоя, пусть себе сгорает, – заржал Галуза.

– Успокойся, Шурик, – хотел я одернуть его, но не выдержал, улыбнулся.

– Хавила, а где строят этот самый Зиккурат?

– Там, где Врата Богов⁴, – он махнул куда-то неопределенно, к северу.

– А это где?

– Это, по-моему, Вавилон, так переводится, – подсказал Тайжанов.

– О, Тайжанчик, и ты пригодился, а то на сиськи только пялишься и все, а вроде переводить должен, – подколот друга Галуза.

– А ты, Галуза, будто на деревья пялишься, – вместо Тайжанова ответил я.

В этот момент, словно из ниоткуда, в деревню вбежали

⁴ Вавилон – в переводе с шумерского или аккадского означает «Врата Богов»

какие то воины.

Вскочив с места, Хавила попросил нас не гневаться, сказал, что он все решит и, пресекая собой подход к нам, победил к воинам и, отчаянно жестикулируя, стал что-то рьяно объяснять им.

Мы прижали автоматы, снова сняв их с предохранителя.

– Армян, походу, это те же, шо тогда местных чморили.

– Ага, я тоже заметил. Кажись, нас выпасли: где-то, значит, мы засветились. Если станут наезжать – стреляем.

– Всех, что ли? – спросил Ден.

– Нам лишние слухи не нужны. На фиг нам с местными царьками в войнушку играть, тем более с этим Белом. Я так понял, он здесь всем заправляет.

Тем временем Хавилу отогнали тупыми концами копий, надавав подзатыльников.

– Они мои гости. Не совершайте ошибку, это харам, – крикнул вслед главному Хавила.

Но, как и следовало ожидать, того это не остановило. Нас взяли в кольцо, и их командир в сопровождении двоих пошел в нашу сторону.

Приняв Галузу за главного – как самого рослого, он встал перед ним прямо на ковре с едой, перевернув ногой чан с мясом.

– И-и-и, аябо, – протянул Тайжанов.

– Так это ты, червь, богом притворяешься? – обратился

командир к Галузе.

– Угу, а еще Горбачевым, Рейганом, а по воскресеньям – еще и Сталиным.

Эта явная белиберда не остановила допрос.

– Этих богов я не знаю. Почему не на строительстве великого Зиккурата?

– Так ведь, дедушке Советской армии не положено, пусть салабоны трудятся, – мы откровенно расхохотались.

Но мужик оказался упертый, и та откровенная фигня, которую нес Галуза, его не остановила.

– По повелению великого Баала, работать должны все. А ты, мерзкий червь, недостойный лизать грязь с ног великого Баала, пойдешь с нами со своим отребьем.

Тут Галуза честно высказал, что он думает о Баале, а также о его матери, подробно указав, где он видел его самого и всю его семью – в каких именно, закрытых от посторонних глаз, закутках тела.

Чем пышнее «расцветала» вдохновенная речь Галузы, тем все шире и шире становились глаза командира, а лицо – все краснее и краснее, что свидетельствовало о том, что галузинская речь дошла до адресата именно в том ключе, в котором автор и пытался ее донести.

Командир отряда поднял было ногу, чтоб пнуть Галузу, но тот среагировал молниеносно: он выхватил штык-нож и, насквозь проткнув бронзовый щиток, пригвоздил вторую ногу командира к земле. Мужик взвыл раненым зверем. Не да-

вая опомниться остальным, пока те не насадили нас на свои шампуры, мы начали косить всех из автоматов. В общем, всего пара минут, и сорок славных воинов оказались на земле.

Все закончилось. Мы встали, а жители деревни продолжали лежать на земле, закрыв головы руками. Народ перепугался нехило, но вроде никого не задели, и слава богу, а то нехорошо получилось бы. Они нас радушно приняли, угощали, даже защитить хотели, а мы бы взяли, да и в благодарность перестреляли их. Но все обошлось. Галуза выдернул штык-нож из ноги обидчика, и тот, подвывая, пополз за Галузой, все пытаясь то ноги ему поцеловать, то просто обнять – словом, выразить полную и безоговорочную солидарность с Галузой. Я подошел к Хавиле, попытался поднять его с земли, но он отчаянно сопротивлялся и бормотал что-то о богах. В этот момент за спиной послышалась какая-то возня. Я повернулся и увидел, что один из местных ребят... насадил «фаната» Галузы на копье.

– Он выкрал мою сестру, – это лаконичное объяснение было принято безмолвно.

– Кстати, а где отара, и та девчонка, что они забрали? – спросил Галуза.

– Мы знаем, где они могли оставить, аздаж⁵ Дауд, мой сын покажет, – сказал Хавила.

Ко мне подошел парнишка, свершивший самосуд.

⁵ Аздаж – дословно с древнеаккадского «повелевающий».

– Так. Галуза, Тайжанчик, сходите с пацаном. Только осторожнее, там, сто пудов, оставили несколько человек.

– Хавила, хватит уже на коленях ползать, вставай уже.

– Я знал, что вы – боги, гром и молнии мечущие, которые спустились с небес, чтоб наказать нас, недостойных. Но нас заставили работать на строительстве Зиккурата.

– Хавила, – повысил я голос, и он снова бухнулся на колени, – блин, Ден, поддерживай мужика, а то я устал его поднимать. Так, Хавила, сейчас берешь своих людей, и вы убираете все трупы, лучше закопайте. И запомни: вы нас не видели. А то мы вернемся... – очередная попытка упасть на колени, но Ден, молодцом, поймал его. – А пока ребята вернутся, давай еще посидим, поговорим.

Хавила дал распоряжения, что и как делать, и пока народ занимался уборкой территории, мы вернулись под навес и продолжили разговор.

В это время на холме показались люди. Хавила напрягся, мы с Деном взяли автоматы, вышли из-под навеса. Но, приглядевшись, я увидел, что это Кузин с ребятами – канистры несут. Я улыбнулся и помахал рукой. Увидев мою реакцию, Хавила успокоился.

– Не переживай, – сказал я, – это мои ребята.

– О боги, сколько же вас спустилось с небес?!

– Достаточно, – брякнул я, не подумав, что это можно понять двояко: достаточно для чего?

Хавила понял по-своему, но Ден поймал его за локоть,

оперативно предотвратив очередное ползание на коленях.

Где-то недалеко послышалась автоматная очередь. Кузин с ребятами, бросив груз, побежали в нашу сторону, на ходу передергивая затворы. Но по мере приближения, видя наше полное спокойствие, сбросили скорость и последние метры прошли уже просто быстрым шагом.

– Кто стреляет?

– Галуза с Тайжановым. Дочь нашего друга отобьют и придут. Успокойся, канистры подберите и дуйте сюда.

– А я смотрю, вы тут нехило повеселились. Всех положили?

– Да, они Галузу сильно обидели, не поверили, что он «дедушка» Советской армии.

– А если серьезно?

– А я серьезно. Оказывается, они нас пасли, еще когда мы сверху наблюдали, но сделали вид, что уходят. Мы спустились сюда, а они нас красиво в колечко взяли, на свою задницу. Ну, тащите канистры сюда и давайте отдыхайте.

Вернулись в тень, стали смотреть, как местные занимаются уборкой территории. Несколько девчонок охотно подсуетились, принесли для новоприбывших поесть, ну и попить, конечно.

Белобрысый Кукконен чуть не опрокинул чашу с водой, засмотревшись на грудь девушки, подававшей ему. Словом, весело. Пока ребята подкреплялись, подоспели Галуза с Тай-

жанчиком.

– Все, братан, территорию расчистили, дочь его, – он кивнул на Хавилу, – привели, сын его сейчас баранов сюда гонит. В общем, все ништяк.

– Сильно пошумели?

– Не-е, их всего четверо было, сразу сняли, без проблем, они даже не ховались. Стояли – стреляй не хочу. Кстати, там еще телега их осталась с быками.

– А чего не забрали?

– Да ну, на фиг, я коров боюсь, – при этих словах мы все дружно заржали.

Отсмеявшись, я позвал Хавилу.

– Хавила, там телега с быками осталась, пошли кого-нибудь, пусть загонят сюда, жалко бросать.

– Конечно, о великий.

Кузин аж поперхнулся.

– Ни фига себе – во уважают!

– Ну, так...

Через некоторое время трупы раздели, аккуратно сложили снятое с них оружие, доспехи.

– Аззаж Дауд, хочешь, чтоб мы сложили добычу в колесницу? – к нам подошел Хавила с девочкой лет пятнадцати. Симпатичненькая такая, но это – тьфу, тьфу, тьфу – долгое воздержание во мне заговорило.

– Какую?

– Которую вы захватили, оружие мы загрузим в колесни-

цы, отару овец мои сыновья перегонят в ваше стойбище, а дочь моя пойдет с вами сама. Она будет тебе хорошей женой.

Гробовое молчание

– Чего-о-о? – народ стал медленно оседать.

– А-а-а, ржа-а-ач, армя-яна же-еня-ят! – Галуза катался по ковру, схватившись за живот, остальные были примерно в таком же состоянии.

Хавила понял, что ляпнул что-то не то, опять брякнулся на колени, дочка тоже.

– Прости меня, аззаж, пусть она будет твоей наложницей.

– Так, а ну все хлебальники захлопнули. А ты, Хавила, садись. Давай мы с тобой все уясним. А ты, красавица, иди... иди к брату.

Она посмотрела на отца, он кивнул, и она убежала. Хавила послушно сел напротив.

– Значит так, Хавила, дочь останется с тобой, я ее не завоевывал, а освобождал для тебя, она не добыча.

Хавила поклонился

– Спасибо тебе, мой аззаж, за твое благородство и справедливость.

– Дальше: оружие и доспехи нам тоже не нужны, поэтому я их тоже оставляю тебе, – при этих словах глаза Хавила заблестели.

– Но аззаж Дауд, на это оружие можно выменять стадо в 1000 голов, – сказал он.

– Кстати, и стадо мы тоже оставим тебе.

– Спасибо, о щедрейший, за дары твои!

Тайжанчик пихнул меня в бок и прошептал в ухо:

– Возьми пару барашков, плов сделаю – пальчики оближешь!

– Только пару барашков он отберет, – я кивнул на Тайжанчика, – остальных оставляем тебе. Но телегу с быками мы заберем, загрузи на нее воду и мясо, пусть твой сын вместе с нами поедет – перегонит телегу, да и со скотиной нам поможет, заодно и гонцом поработает, если что. Погостит у нас и через пару дней вернется. Не бойся, мы за ним присмотрим.

– О да, наищедрейшие боги, спасибо вам.

– Блин, ну сколько раз повторять, что мы не боги, – произнес я это скорее для себя, а не для него – я уже давно понял, что это бесполезно.

Под вечер загрузили все на телегу. Кроме мяса, сыра и воды, еще навалом молочных продуктов – в общем, обжираловка для бедного солдата. Еще нам положили хлеба и каких-то зерен вроде пшена. Ну ладно, Тайжанчик взялся быть поваром, так пусть он и разберется.

Перед закатом мы двинулись в путь. Провожали нас всей деревней.

– Хавила, смотри, добычу не засвети, а то обвинят тебя, что отряд ты уничтожил.

– Да, мой аззаж, – Хавила явно подсчитывал прибыль за сегодняшний день. На шее у него вместе с другими амулетами и ожерельями я заметил брелок «Мерседес» и чуть не

расхохотался, но вовремя взял себя в руки.

Похлопав его по плечу, я уже собрался уходить, как ко мне подбежала девчонка Хавилы и прижалась ко мне. Блин! Вот только этого мне не хватало! Держись, Давид, держись. Отпрянув от меня, она низко поклонилась и протянула какое-то ожерелье.

– Аззаж, прими от меня этот скромный дар за освобождение.

Я взял подарок.

То ли перевозбуждение сказалось, то ли еще что, но я не знал что ответить, просто тупо пялился на нее.

–Э-э... спасибо красавица, и... это... кстати, как зовут тебя?

– Хавна.

– веди себя хорошо, Хавна, слушайся отца.

Сказав это, я резко повернулся и, ловя веселые взгляды ребят, отдал приказ:

– Все – шагом марш! Нам еще до лагеря час добираться, пошли, пошли.

– А чё, я б женился, – Галуза поймал подзатыльник, и наш отряд, весело гогоча, отправился в обратный путь.

Глава 6. Игра в богов, или Устав воинской службы

До лагеря добрались засветло, на телеге (колесницей язык не повернется назвать, не так я древние колесницы себе представлял). Итак, телегой-колесницей управлял сын Хавилы, Гетула. Мы шли рядом. Пацаны бурно обсуждали местных девчонок. Блин, неужели девки напрочь отбили у ребят вопросы «где мы» и «как сюда попали». Фрейд отдыхает. А вот мне надо подумать, и подумать за всех, хотя... дочка Хавилы все-таки очень даже неплоха. Но – тьфу, тьфу, тьфу еще раз, не буду отвлекаться. И все же до нашего временно-го лагеря так ничего и не надумал, видать, все-таки Фрейд рулит.

Когда добрались до лагеря, я чуть не офигел. Никита за день превратил наш лагерь в такую крепость, что хрен подберешься, окопались по самое не хочу.

– Никит, ну ты даешь, – улыбнулся я.

– Ну да, мы тут немного подсуетились.

– Ни фига себе немножко! Армян, Никита достал всех, – встрял Потапов. – Как будто мы тут на год останемся, не понимает, что не сегодня-завтра эвакуируемся.

– Молодцы, пацаны. Потап, по-моему, нам тут нужно будет еще чуток задержаться.

– А чего так?

– Скоро объясню.

– Ара, в натуре, че творится. Мне тут пацаны такое гонят, – к нам подошел Ромка.

– Мужики, я скоро все объясню, а пока давайте строиться, – в глазах ребят немой вопрос «что за на фиг?» И пока не выразились словами, ответил, – короче, дисциплину еще никто не отменял.

– Что, все так серьезно? – нахмурившись, Никита почесал скулу.

– Серьезнее не бывает.

– Ну, раз так, давай командуй, командир.

– Смена! Строиться!

Все повернулись и уставились на меня.

– Что за херня, салабоны, команду не слышали? Командир строиться скомандовал, – поддержали меня дембеля, – давайте, шевелите задницами.

И, подавая пример, первыми пошли строиться.

Через пару секунд я уже стоял перед строем. Не зная, с чего начать (сам до сих пор не мог реально осознать происходящее), прошелся перед строем, остановился, всмотрелся в лица ребят. И что мне им сказать? Ладно, начнем, а там уж – как получится.

– Пацаны, более детально объясню позже, а пока скажу так: эвакуации не будет, будем выбираться сами. Ситуация неординарная, поэтому никому не расслабляться, дисципли-

ну строго соблюдать. Наказывать за прокол буду по закону военного времени – пинками, или отдам Никите на съедение, – пошутил я.

Но шутки шутками, а служба службой, и только держась друг за друга, мы сможем здесь выжить.

– Что, неужто слили нас и свалили?

– Ким, никто нас не сливал, просто никто за нами не придет, а подробности обсудим позже, как я уже сказал. Потапов, ты отвечаешь за посты. Дежури́м круглосуточно. Дежурство распределишь сам, посты оборудуешь так, чтоб все просматривалось. Итак, в одиночку не ходим.

– А пописать? – донесся из строя голос молодого Полякова.

– Покакать тоже, понятно?

Пауза.

– Молчание – знак согласия, дальше все время при оружии, увижу кого без оружия, сами понимаете ...

– Мне на съедение, – бросил Никита, и все заржали.

– А ну, закрыли рты! – прикрикнул я, и сразу воцарилось молчание. – Мы уже и так потеряли пятерых. Я не хочу и не буду хоронить еще кого-то, понятно вам? – заорал я.

– Так точно!

– Молодые, держитесь за дедов и дембелей, а вы пасите молодых, чтоб по дурости дров не наломали. Никита, ты у нас по хозчасти будешь. Завтра с утра возьмешь двоих – кто в железяках шарит, и дуйте на позиции, пошуршите там, по-

смотрите, может, еще чего интересное найдете. Тайжанчик, ты будешь за повара. Галуза – дохтур. Пока на этом все. Готовимся к отбою, завтра тяжелый день. Кстати, пацаненка, – кивнул я на Гетулу, – устройте и не обижайте. Все, разоидись.

Народ разошелся, каждый по своим делам. Собрались снова, уже когда стемнело. Сидели у костра, ели. Молчали. Но все равно все были в напряжении и ждали от меня ответов: во-первых, где мы и как сюда попали, и что мы будем делать, чтоб вылезти из этой ситуации. Если б я знал, блин... Закончил есть, положил котелок у ног, потер пузо.

– Спасибо, Тайжанчик, молодец, вкусно.

– На здоровье, командир.

– На пост отнесли?

– Конечно, сам лично отнес.

– Ай молодца. Ладно. Все поели?

Все молчат, смотрят на меня. Ждут.

– Значится та-ак, мужики, блин... То, что я сейчас буду говорить, на дурку тянет, но боюсь, все обстоит именно так, как я вам сейчас скажу. Хотя вы уже в курсе всего. Короче, пацаны, мы попали. Правда, непонятно – «куда» или «в когда». Тайжанчик оценил это как бронзовый век. А если судить по библии, то во времена строительства Вавилонской башни, до смешения языков.

– Это типа все на одном языке говорят? – спросил Никита.

– Все. На одном. И мы в том числе.

– Не понял, это мы не по-русски говорим сейчас?

– Получается, что нет. Короче, здесь все друг друга понимают. Это что касается языка, так что с языком у нас проблем не будет. Галуза, молчи, не до шуток сейчас, – Галуза закрыл рот. – Так, дальше. Мы тут наладили контакт с местными. Кстати, из-за маленькой заварушки с местными бандюганами... пришлось из автоматов их положить... в деревне нас приняли за богов.

– И из-за книги, – вовремя вставил Тайжанов.

– Ну да, и из-за книги. Короче, есть какие-то вещи, которые в их глазах делают нас богами, что есть не очень хорошо для нас

– А по-моему, зашибись, – все-таки открыл рот Галуза.

– Галуза, по-моему, я понятно выразился: это есть не очень хорошо. Поправлюсь: это очень плохо, и в первую очередь – для нас.

– Да ладно, армян, станем здесь богами, шо тут плохого-то?

– Галуза, – я стал терять терпение, – во-первых, рожей не вышел богом быть, а во-вторых, приказы не обсуждаются.

– Так шо тут плохого..., – продолжил было он.

– Блин, твою мать! Смена! Строиться! – гаркнул я и встал. Народ начал строиться.

– Значит так, то, что я сейчас скажу, будет в последний раз. То, что нас занесло хрен знает куда, не значит, что мы превращаем боевую единицу в бардак. Устав никто не отме-

нял.

– Да ладно... – это опять Галуза.

– Упор, лежа принять, все выполнили приказ, последним Галуза: делай раз, делай два, делай раз, делай, делай раз, делай полтора. Отдыхаем. И пока отдыхаем, напомни мне, рядовой Галуза, что есть Устав вооруженных сил СССР?

– Устав определяет общие обязанности военнослужащих Вооруженных Сил СССР и взаимоотношения между ними, правила внутреннего порядка в полку и его подразделениях, а также обязанности основных должностных лиц полка и его подразделений.

– Что есть дисциплина?

– Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных советскими законами и воинскими уставами.

– Давая присягу, мы поклялись в чем?

– Беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

– Есть у кого-то еще вопросы? – Молчание. – Встать всем в строй!

– Итак, основные положения нам милостиво напомнил Галуза, у кого-то по этому поводу есть возражения? Если кто-то не согласен, пусть выйдет из строя и валит отсюда на хрен... Я так понял, желающих нет? Предупреждаю, если вы остаетесь в команде, то первое: устав действует в полную силу, и судить буду соответственно, всем ясно?

– Так точно...

– Не слышу.

– Так точно! – гаркнули все.

– Пацаны, предупреждаю, здесь одиночки не выживут, а для некоторых с божественной харизмой объясняю: патроны иногда кончаются. И тогда боги становятся даже не людьми, а намного ниже, их толпа просто давит, как червей. Всем понятно?

– Так точно!

– И последнее. Давайте не делайте снова так, чтоб приказ я отдавал на общем построении. Всем разойтись.

Народ стал занимать свои места.

Потапов, проходя мимо, кинул мне:

– Красавчик, молодец.

– Так, продолжаем разговор. Итак, нам нужно сделать все, чтоб не выделяться из общей картины. Ну хотя бы, чтоб за богов не принимали. И для этого нам нужно провести кое-какую работу. Нет, много работы. Огнестрел побережем на всякий случай, как наш неожиданный сюрприз. Так, историки, давайте: какая у нас информация по вооружению для этого времени.

– Копья, мечи из бронзы, луки, пращи, плетеные щиты. Доспехи тоже из бронзы, но это редкость, да и доспехами с натяжкой назвать можно. Это щиток на грудь, браслеты и... на голень, может быть, – начал Тайжанов.

– Транспорт?

– По-моему, лошадей еще не объездили, только повозки – типа той, что мы захватили, с быками, – добавил Тайжанчик.

– Есть еще что добавить?

– Пока нет.

– Кто у нас по металлу?

– Я, – подключился Никита.

– Я, – это уже Смит.

– Я, – Поляков.

– Что мы можем против бронзы выставить?

Начал Поляков:

– Бронза – это сплав меди и олова. Металл мягкий, наши штык-ножи как масло резать будут.

– Штык-ножом особо не повоюешь против копья.

– У нас на позиции до хрена железяк осталось после налета: стали, титановых трубок, – продолжил Никитенко.

– Инструментов, спасибо водилам, в машинах до хрена, – добавил Смит.

– Мы сегодня втроем неплохо пошуршали, Короче, я думаю, можно будет что-нибудь придумать. Только вот, что придумывать будем? – Никита ожидающе посмотрел на меня.

– Ну, давайте подумаем, что нам нужно, – задумался я. – Из луков стрелять умеет кто? – Молчание. – Что и следовало ожидать, – улыбнулся я. – Из пращи, думаю, тоже никто. Я даже думаю, есть такие, кто и не знает, что это.

– Остается оружие ближнего боя, – Потапов взял ветку и

резанул по воздуху.

– Смотрите, копейщиков и мастеров меча у нас тоже нет,
– развел руками Галуза.

– Зато у нас есть информация тысячелетий, чего у них нет. Да, Тайжанчик? – Кузин хлопнул Тайжанчика по плечу.

– Да, – подтвердил Тайжанов, но явно не мог понять, к чему тот клонит.

– Поодиночке мы и вправду никто, но вот строим мы со-
мнем всех, кто встанет у нас на пути, – уверенно сказал я.

– Уверен? – Ромка, как всегда, внес немного скептицизма.

– Да, Тайжанчик, расскажи, как Рим завоевал всю Европу.

– Да, армян прав, они простой народ в легионы загоняли и единственное, что учили – воевать в строю. А по отдельности они вообще никакие были.

– Вот так вот. Так что с завтрашнего дня с утрени, Никита, берешь людей сколько надо, и вперед – на вооружение. Каждому по копьё, по мечу и щиту. Ну что, сделаешь?

– В принципе, да. Материала до хрена, инструмента в машинах тоже: молотки, кувалды, ножовки, напильники. Даже ручную дрель видел. Думаю, справимся. Конечно, не заводское производство будет, но, думаю, все сделаем. Щиты можно из обшивки грузовиков сделать, мечи из стальных листов рессоры с грузовиков. Придется попотеть с теми инструментами, но что есть, то есть. Думаю, справимся. А копьё... можно лишние штык-ножи к титановым трубкам с антенны присобачить, они как раз двухметровые. Хватит?

– Думаю, да.

Я взял палку и стал чертить на земле меч, похожий на гладий, только чуть поуже.

– Мечи сделаем метровые: заточим и сделаем впадины для рукояти. Обмотаем рукоять кожей от ремней, чтоб не скользила. Щиты сделаем прямоугольные, – нарисовал очередной чертеж на земле, – чтоб стену щитов можно было делать. Только справа сделайте впадину, – я срезал полукруг на чертеже, – так, чтоб копьём удобно было орудовать. Кстати, бронза такой щит пробьет?

– Хрена с два, зато наша сталь их бронзу как масло будет резать, – Поляков показал, как масло на хлеб мазать.

– Ручки поудобнее на щиты присобачить нужно будет. Какие еще предложения будут?

– Может, транспорт чуть улучшить? – медленно, уж очень медленно произнес Кукконен.

– Кстати – да. Было бы неплохо, – согласился я.

– Сделаем, – обещал Никита.

– Все. Если больше нечего добавить, всем спать, завтра тяжелый день. Всем, кроме часовых, отбой.

Ребята начали устраиваться на ночь. Ко мне подошел Галуза.

– Злой, давай на перевязку, а то еще заражение начнется.

Я сел так, чтоб ему было удобнее перевязывать. Старую повязку он аккуратно снял, сложил и положил рядом.

– Завтра постираю – экономить надо. Поставки закончи-

лись, – прервал затянувшуюся напряженную паузу Галуза и продолжил обрабатывать мои раны. – Армян, ты это... извини, не подумавши ляпнул, ты ж знаешь, я за тебя все отдам. Просто не подумал, шо потом, ты ж меня знаешь, я о завтрашнем дне не думаю, не обижайся.

– На обиженных кладут, Галуза. Я не обижаюсь, но если ты мне попробуешь еще раз дисциплину расшатывать, то пеняй на себя. Не посмотрю, что из одного котелка хлебали и хлеб делили, понял?

– Понял, армян.

– Ну, тогда замяли и забыли это дело. А о завтрашнем дне уже пора подумывать, не ребенок уже, вон целый дед советский, – улыбнулся я.

К нам подошел Никита

– Ара, я тут в машине старшины покопался, вернее, в том, что от нее осталось, тебе обновку присмотрел.

– О, Никит, спасибо, а то как оборванец хожу.

– На, держи, – Никита кинул мне штаны, куртку и тельник.

Быстро переодевшись, я упал и моментально отключился.

Глава 7. Ошибка

Утром рано меня растолкал дежурный в лице Потапова, ну а я – всех остальных. С утра поели, попили, спасибо Тайжанову, и все поступили в распоряжение Никиты. Никитенко подошел к вопросу грамотно и с размахом: на нашей новой позиции начал обустраивать сначала мастерскую, перетаскив со старой позиции ненужный, на первый взгляд, хлам, и взялся за дело. Сначала поставил мощный столярный стол, на котором закрепил пару тисков, найденных в машинах. На стол ушло немного листового железа с кузовов наших КамАЗов, деревянных досок – оттуда же. Пока Никита с Поляковым, Кузиным и Ромкой собирали стол, я с остальными искал и таскал инструменты. Натаскали мы прилично, все-таки хозяйственные у нас водилы: куча напильников, молотков, пара кувалд, ручные дрели, ключи, зубила. Короче, полный комплект автосалона – хоть сию минуту открывай, только здесь и сейчас он никому не нужен, да и в ближайшие пять тысяч лет тоже.

К вечеру Никита позвал меня принимать работу. Хвастался своим шедевром – мастерской под открытым небом.

– Короче, здесь столярка будет. Еще мы тут наковальню нашли, теперь хоть кузницу открывай, – видно, у меня на лице был написан вопрос, поэтому он решил меня успокоить. – Шучу, шучу, для кузницы мне ресурсов не хватит. А вот

сварочный аппарат было бы неплохо . . .

– Губу закатай . . . и давай исходить из того, что есть.

– Ну, если закатать, то я думаю . . . чтоб все закончить, нам где-то месяц нужен.

– Плюс еще научиться всем этим пользоваться. Короче, возьмем за исходную два месяца.

– А все это время мы должны есть, пить и спать – не под открытым же небом.

– Вот и я о том же. Нужно с местными отношения поддерживать, и лагерь обустроить.

– Палаток нет, – развел руками Никита.

– Можно у местных выменять, на их вигвамы или юрты, или как они там называются.

– Не, лучше землянку выкопать – ее же издалека не видно.

– Согласен! Ромка! – позвал я.

– Здесь я, – сразу же отозвался Рома.

– Давай сюда, базар есть.

– Ну, раз есть, то базарь, – улыбнулся Рома.

– Завтра с утра землянку рыть будешь, – я широко улыбнулся, зато с ромкиного лица улыбка сползла.

– Армян, ты что, в натуре, поехал? Где ты видел дембеля Рабиновича с лопатой?!

– Ты тут фамилией-то не прикрывайся, все равно по паспорту ты узбек, – мы с Никитой заржали.

– Но ведь все равно – Рабинович же.

– Ладно, узбек Рабинович, не кипишуй. Завтра возьмешь

четырёх бойцов, и все копаете землянку. – Ромка хотел было вставить что-то, но я его опередил. – Обустроишь жильё – будешь назначен комендантом. Никит, как ты думаешь? Комендант Рабинович – звучит?

– Я бы сказал, звучит гордо, – ответил Никита, еле сдерживая смех.

– Блин, вот за что я тебя уважаю, армян, что ты всегда подберешь нужные слова, – обреченно подытожил Ромка.

– Вот и договорились, – я хлопнул его по плечу и позвал Тайжанова, – Тайжанчик, подь сюды.

Тайжанов оторвался от готовки и подбежал к нам.

– Ара, ты только по-быстрому, а то у меня все сгорит.

– Чем сегодня кормить будешь?

– Картошка с барашком.

– Барашек, это хорошо. Сколько у нас припасов? Надолго хватит?

– Ну, дня на четыре... ну-у, если очень постараться, думаю, на неделю растянуть можно.

– Хрен редьки не слаще, – сказал Никита.

– По-любому нужно у местных хавчик покупать, – задумался я.

– Обменять.

– А?

– Менять, говорю, – сказал Тайжанчик.

– ??? – все молча уставились на него.

– Сейчас денег нет еще, сейчас они обменивают товары.

– А что у нас есть на обмен? Сразу предупреждаю: никакого оружия или чего-то связанного с этим.

– Из того, что у нас есть, только что-нибудь металлическое, но лучше не железо, они его пока не умеют обрабатывать, лучше медь.

– Например?

– Ну, можно кокарды, пряжки, фляжки.

– Фляжки не медные.

– Алюминий тоже мягкий металл, авось поведется.

– Вот! Ром, первое задание коменданту, то бишь тебе: завтра же начинаешь собирать у всех медные и латунные вещи – только без фанатизма, чтоб у пацанов штаны не спадали без ремней.

– Сделаем.

– Кто у нас торговаться умеет хорошо?

– Так твой стажер Ден Власов, он же фарцовщиком был на гражданке, – весьма кстати напомнил Ромка.

– Да, в натуре, вылетело из головы, вот его и пристроим на должность. Будет все наши торговые операции вести. И к слову, как там наш сын полка?

– Гетулка, что ли? – ухмыльнулся Никита. – Любознательный пацанчик, всюду влезает, смотрит, что и как делаем, помогает.

– Ты его особо не грузи, да и следите за ним, чтоб нос не сунул, куда не надо. А то мне потом перед его отцом отвечать

– Да он весь день рядом: или со мной, или со скотиной,

так что я над ним шефство могу взять, – предложил Никита
– Завтра я с Гетулой и Деном в деревню схожу, начнем поставки продовольствия и воды налаживать.

– Армян, – крикнул Тайжанов, колдуя над котлами, – для кухни тоже присмотри что-нибудь.

– Ты мне к завтрашнему дню список приготовь, да и вы тоже подумайте, если что нужно от них.

С утра установили закон: утреннее построение и распределение работ. Потом прошелся, убедился, что все при деле, кроме ночных часовых, забрал Дена с Гетулой, и мы направились в деревню к Хавиле.

Добрались без приключений. Принимали нас, как самых почетных гостей. Мгновенно накрыли на стол, вернее на ковер. Пока девчонки щебетали, хлопотливо расставляя еду, мы с Хавилой завели беседу о разном: о здоровье, о делах – то есть ни о чем, как это принято на востоке. Здесь традиция есть традиция. Краем глаза заметил, как Гетулка ходит по деревне с задраным носом, девки и пацаны роем выются вокруг него, короче – герой героем. Причина проста – целых два дня с богами провел! Словом, есть чем похвастаться. Отвлекаясь на него, не заметил, как передо мной появилась дочь Хавилы с кувшином воды. Наполнила протянутую мной чашу и встала у меня за спиной.

– Аззаж Дауд, позволь моей дочери служить тебе за трапезой, не отказывай ей в этой чести.

– Это для меня честь, Хавила.

Хавила слегка кивнул ей, и она осталась. Соблюдая приличие и поговорив еще чуток ни о чем, приступили к трапезе. Ели молча, но с аппетитом: что ни говори, а готовили у них вкусно, хотя, справедливости ради надо сказать, наш Тайжанчик тоже не промах. Поели, нам принесли фрукты – разные, большей частью незнакомые, из которых я узнал только финики и абрикосы. Угощая меня абрикосами, Хавила похвастался, что родина этого редкого плода – далекая страна, где праотец Ноах сошел с ковчега на землю. Что ни говори, вкуснее наших армянских абрикосов на свете нет, что в мое время, что в этом времени. Наевшись, мы ослабили ремни и разлеглись здесь же в тени.

– Хавила, а мы к тебе с просьбой пришли, – я перешел наконец к причине нашего прихода.

– О аздаж, все, что в моих силах, мы в долгу перед вами, и да помогут нам боги расплатиться с вами.

– Я не хочу платы, я прошу помощи.

– Все, что пожелаешь, мой аздаж, – сказал он с низким поклоном.

Я вздохнул, но понимая, что ситуацию не изменишь, продолжил:

– За твою помощь позволь преподнести тебе наш скромный дар, – и достал кокарду, пряжку и фляжку. Сначала протянул ему фляжку, предварительно продемонстрировав, как она открывается и закрывается. Хавила принял дар, благодарно поклонившись и прислонив его ко лбу. – Это сосуд для

хранения живительной воды.

Далее я протянул ему начищенную до блеска бляху со звездой, ослепительно сияющей на солнце.

– Прими и это украшение на твой боевой пояс.

Когда дошла очередь до кокарды, я задумался: как ему описать, что это такое? Видимо, эту заминку Хавила воспринял по-своему, а может, принял кокарду за женское украшение, но он медленно перевел взгляд на свою дочь. Она степенно подошла и встала передо мной. Итак, решение за меня уже приняли. Мне же ничего не оставалось делать, кроме одного – решить, куда же мне присобачить кокарду? На голую грудь? Нет, не получится. Налюбовавшись девичьей грудью, я стал опускать взгляд... о! вот то, что надо – юбка, или как там она у них называется. Недолго думая, я присобачил кокарду на юбку, аккуратно под симпатичным пупочком. Она зарделась, улыбнулась и убежала. Я посмотрел на Хавилу, пытаюсь понять, что все это значит и не обидел ли я их чем-то. Но Хавила улыбался. Когда я вернулся на свое место, он положил руку на сердце и сказал:

– Спасибо, мой аздаж, за честь, которую ты оказал нам – мне и моей дочери. Я понимаю твой отказ взять ее в жены или наложницы. Ты божественный воин, ты живешь для боя, а не для семьи, и поэтому в тысячу раз ценнее твой выбор – тот, который ты совершил сейчас.

Меня начали терзать смутные сомнения, что только что я совершил не выбор, а какую-то ошибку. Слава богу, кажется,

не трагическую, раз со мной еще разговаривают, к тому же с почтением. Ну да ладно, потом по ходу дела разберемся.

– Итак, Хавила, вы нам поможете?

– Да, конечно, только скажи чем.

– Мы скоро собираемся на север, к месту строительства Зиккурата, но нам нужно подготовиться, а это займет некоторое время – месяц-два, может быть... нам нужна будет пища и кое-какие предметы быта, вы поможете с этим? Мы еще отблагодарим

– Прости меня, мой аздаж, что прерываю тебя, мы, конечно же, поможем вам, как и вы помогли нам, и это будет лишь маленькая толика того, что мы хотели бы сделать для вас. И еще, прости меня недостойного, что осмеливаюсь просить тебя...

– Я слушаю.

– Не ходите к Зиккурату. Нехорошее это место, темное. Там люди теряют свой облик и все человеческое. Простые люди пропадают там... Говорят, Зиккурат питается кровью людей.

– Спасибо, что беспокоишься о нас, но нам нужно на север.

– Когда-то мое племя было велико и многочисленно, а стада наши тучны, -продолжил с грустью Хавила, – но пришел Баал и забрал почти всех моих людей. Осталась лишь малая часть, и я не знаю, вернутся ли они вообще. Люди Баала рыщут везде, они ловят людей и ведут на работы в Зиккурат, и

многие там пропадают. Да ты и сам видел один из отрядов, а таких множество.

– Но и ты видел, что они нам не очень страшны.

– Да, мой аззаж, но это простые воины, а что если ты встретишь самого Баала. Он хотя тоже из семени Хама, как и я, но он ужасен. Говорят, он настолько силен, что победил бога Яма⁶ и дракона.

– Не переживай, Хавила, если будет нужно, то и с ним справимся, мы и не таких валили.

– Да, мой аззаж, да пребудет с вами сила громов и молний, которыми ты повелеваешь, – Хавила склонился до самой земли.

– Поднимись, отец, и спасибо тебе за твою искреннюю заботу, – я помог ему подняться и усадил рядом с собой. – Хавила, это мой друг, зовут его Ден, ну, или Денис.

– Дионис? Он тоже от семени Хабета?

– Да, да, но и это не столь важно. Он обсудит с вами, что

⁶ Ям (в переводе с ханаанского – «море») – один из важнейших богов Ханаана и Угарита. В одном из ханаано-угаритских мифов рассказывается о том, как Ям решил возвести себе дворец, подчёркивая таким способом своё желание установить первенство среди богов. Все маленькие боги, называемые «сынами Эля», решили было уже уступить Яму, как вдруг восстаёт Ваал, упрекает их в трусости и вызывает Яма на битву. Арбитром боя выступает великий бог Эль, который предупреждает Яма, что он имеет своим противником бога более сильного и имеющего покровительство двух богинь, Анат и Астарты. Бог ремесел Кусор кует Ваалу два молота, с помощью которых Ваал побеждает. За ним признается первенство среди богов. Отвергнув претензии бога моря, господина смерти и беспорядка Яма,

нам нужно, и что вы сможете нам дать, а я тем временем пройду, осмотрю, – сказал я и вышел из-под навеса, оставив двух специалистов торговаться. Я им только мешать буду – вот чего никогда не умел, так это торговать.

Прохаживаясь по деревне, увидел Гетулу в окружении местной молодежи, которой он явно что-то втирал, потому что они смотрели на него с открытыми ртами, боясь пропустить хоть слово. «Во завирает, наверно», – подумал я усмехнувшись. Вдруг кто-то, неслышно подойдя сзади, нежно обнял меня, положил голову мне на лопатку и прижался всем телом. Я вздрогнул от неожиданности и, выхватив штык-нож, резко повернулся. Тонко пискнув и со страху закрыв лицо руками, передо мной встала Хавна.

– Блин, Хавна, ну ты меня и напугала, – засмеялся я, убирая оружие, потом обнял ее и прижал к себе. Она дрожала как осиновый лист.

– Ну-ну, красавица, успокойся, успокойся же, я же сам испугался, – смеясь, сказал я, поглаживая ее спину и пытаюсь не обращать внимание на ее грудь, упирающуюся в мою... тельняшку. Хм, честно говоря, тельняшка в такие моменты не очень-то и помогает. Почувствовав, что она вроде немного успокоилась, я отодвинул ее от себя, от греха подальше – не железный же я, черт побери.

– Ты что ж так подкрадываешься, а? – улыбнулся я.

– Я не специально, – все еще испуганно, но уже улыбаясь, ответила она.

Первый раз за это время выдалась возможность рассмотреть ее получше. Не таращиться же на нее перед родственниками, мы же люди воспитанные.

Да, красивая девочка, к тому же очень обаятельная. На глазок, ей лет... этак пятнадцать-шестнадцать, худенькая, но уже оформившаяся, с красивой – не маленькой! – грудью. Смугленькая, я бы даже сказал мулаточка, но черты лица европейские. Но что меня больше всего привлекло – глаза. Синие. Не голубые, не зеленые, а именно синие. И такие глубокие, что смотришь и чувствуешь, что с головой проваливаешься в них. Темненьких у меня не было, даже в Анголе не попробовал, хотя наши там постоянно к девкам бегали, да и на базу приводили. Ну не мой вкус, никогда не тянуло. А эту девочку сразу захотелось обнять и оберегать. Какая-то она была... даже не знаю какая... просто захотелось ее обнять и оберегать, не давать в обиду.

– Ты сегодня останешься у нас? – прервала мои мысли Хавна.

– Нет, мне уже нужно возвращаться.

– Но я думала, что после сегодняшнего ты останешься.

Вот оно, блин! После сегодняшнего... Что бы это значило? Вроде я еще не переспал с ней, чтоб «после сегодняшнего»... Надо пробить эту тему, а то непонятки какие-то. Но пробивать решил не у Хавны – во избежание психологических травм у девушки, а у брата ее – с пацаном легче базарить, без соплей и слез.

– Нет, сегодня точно нет, я отвечаю за моих людей, и мне сегодня нужно быть с ними.

– Хорошо... я буду ждать, сколько нужно.

Ну бли-и-ин, вот уже сопли пошли.

Сзади громко кашлянули. Я повернулся – спаситель мой, Ден.

– Армян, короче, я договорился с дедушкой, завтра все будет. Они сами все доставят.

– О! С доставкой на дом! Молоток ты, Ден.

– Да это не я, это Хавила сам предложил, грех было отказываться.

– Правильно. Ну что, вроде все закончили здесь? Пора обратно. Кликни Гетулу, скажи, мы обратно собираемся. Он с нами?

– Ага, – Денис ушел.

– Ну все, красавица, мы пошли, – заторопился я от греха подальше, но не дав мне опомниться, она снова прижалась ко мне. Блиииин!

Опять спасительный кашель сзади.

– Армян, мы готовы, – я отстранил ее от себя с виноватым взглядом, мол, пора мне, долг зовет и все такое, повернулся и пошел.

Ден с Гетулой пошли за мной. Проходя мимо Дена, только и успел сказать: «Спасибо, Ден, опять ты меня спасаешь, смотри, привыкну еще». Ден улыбнулся, но промолчал. По дороге домой Ден с Гетулой о чем-то говорили, даже спори-

ли, рассказывали что-то друг другу. Я не обращал на их болтовню внимания, погрузившись в собственные мысли, пытаюсь хотя бы для себя прояснить все, расставить все по полочкам и придумать хоть какой-нибудь план действий. Программа-минимум есть, а вот с программой-максимум напряженка получается. Как нам выбираться из этого всего? Мозг отказывается воспринимать реальность – эту реальность. Кажется, вот сейчас проснусь, и это все окажется сном. Но вот уже четвертые сутки почему-то я не просыпаюсь, а вокруг творится все та же хренотень. Не знаю, как насчет точного плана-максимум, но что-то подсознательно тянуло меня на север, к этому чертову Зиккурату. Почему – сам не знаю, но знаю точно, что нам туда.

Вернулись под вечер. То ли мысли довели, то ли еще что, но вернулся я разбитый. Единственное, на что меня хватило, это посмотреть, как идет «обустройство казармы», как гордо называл Ромка выкапывание землянки. Никите сказал, что его успехи оценю завтра. Ребят обрадовало, что у нас будут постоянные поставки продовольствия, так что с голоду не помрем.

Стемнело, мы сидели у костра, и я вдруг вспомнил, что не узнал у Дена, как с Хавилой будем расплачиваться.

– А никак, он отказался брать плату.

– Как это отказался.

– Да так, он сказал, что мы на сто лет вперед расплатились – одним только оружием тех бандюков, что мы ему оставили.

Ребята вокруг одобрительно загалдели.

– Ну и ладно, одной проблемой меньше.

Сразу всплыла еще одна тема в голове, о которой я забыл по дороге.

– Эй, Гетула, скажи мне, пожалуйста, о каком выборе сегодня говорил твой отец?

– О каком выборе? Я не знаю.

– Ну, после того, как я подарил Хавне, сестренке твоей, кокар... подарок.

– А-а, ты об этом, – народ в предвкушении чего-то этакого затих и наострил уши. – Ну, что ты согласился войти к ней.

– ??? Войти к ней... куда?

– Ну как – куда, ну, чтоб она понесла от тебя, – до меня помаленьку стало доходить, а народ начал выпадать в осадок.

– А с чего это вы взяли, что я согласился? – удивился я.

– Как с чего, ты же сам закрепил брошь у лона ее!

– А куда мне ее нужно было крепить? На голую грудь нацепить?

– Зачем?! Это же больно, – искренне удивился Гетула, – можно было просто в руки дать, и все.

Народ, уже не сдерживаясь, ржал во весь голос

– Вот блин, попал, соблазнил девку кокардой, – сквозь смех кричал Галуза, – я же тебе сразу сказал, армян, женись!

Ничего не понимая, Гетула смотрел на ребят.

– Почему они смеются, аздаж, ведь это же честь понести от богов. И моя сестра удостоилась этой чести!

Может, серьезный тон Гетулы подействовал, а может, полное непонимание происходящего, но ребята успокоились.

Посмотрев на Галузу, я сказал:

– Теперь всем понятно, что за каждый шаг здесь отвечать надо? И хорошо, если таким образом. Короче, незнание закона не освобождает от наказания, – вздохнул я, поправил вещмешок под головой и сразу вырубился.

Глава 8. Жизнь налаживается

Следующий день был полон сюрпризов, которые посыпались с самого утра. Еще не успев разойтись после утреннего построения, ребята уже из строя заметили вдали тележку с людьми, но пока не разглядеть было, кто это, и я, на всякий случай, приказал занять оборону. Но Гетула, всмотревшись внимательнее, успокоил нас:

– Это наши, из деревни.

– Уверен? – спросил я.

– Да, аздаж, я узнаю наших людей.

– Во зрение! – восхитился Никита, хлопнув Гетулу по плечу. – Классный снайпер бы получился.

Построились снова – пока доберутся еще. Быстро распределили работы. Гетула попросил Никиту освободить его сегодня от обязанностей, чтобы он занялся своими людьми. Кстати, Гетула с первого же дня принял наш распорядок дня и участвовал во всех построениях и работах, хотя его никто не заставлял – как лицо гражданское. Но, видно, очень уж ему хотелось быть похожими на нас. Особенно охотно он крутился вокруг Никиты, который взялся воспитать из него бойца – и видно было, что дело тут не только в моей просьбе, а просто пацанчик ему самому импонировал.

Команда «разойдись» подействовала не совсем так, как я предполагал. То бишь, никто не разошелся, все столпились

вокруг прибывших из деревни. Это и был тот самый сюрприз. Хавила прислал не только продукты, посуду и барашков, но и пять человек, три из них – женского пола. А если точнее, то это были симпатичные молоденькие девчонки. Вот только этого мне тут не хватало, не дай бог, пацаны еще баб делить начнут. А-а-а, блин, падла Хавила, услужил, называется. Но я подождал, пока пацаны галантно помогли девушкам разгрузить вещи с телеги, и гаркнул на них, чтоб разошлись по своим делам. Хорошего понемножку, как говорится. Народ нехотя стал расходиться.

– Так, Гетула. Собирай своих и дуйте ко мне.

– Есть, аззаж, – о, нахватался уже.

Пока Гетула ходил за своими людьми, я сел на камень, почесал репу. Что мне с ними делать? А, вот и они.

– Так, Гетула, эти люди прибыли сюда просто продукты завезти, а сейчас уходят.

– Нет, аззаж. Отец прислал их, чтоб служить тебе.

– Я не просил его.

– Да знаю я, но ...

– Нет, никаких «но», здесь я приказываю!

– Аззаж, – Гетула бухнулся на колени, а за ним и все остальные, – не гневайся на отца, он лишь хотел услужить вам.

– Но я не просил его об этой услуге, я лишь просил у него продукты.

– Не гневайся на нас. Ведь у вас очень много работы, а мы

можем помочь вам по хозяйству.

И в самом деле, это нам не помешало бы, но смущали девчонки, как бы ребята не переругались из-за них.

– Ладно, только с испытательным сроком. Это, девушки, вас касается: увижу, что мои бойцы из-за вас ругаются – в ту же секунду обратно, понятно?

– Да, аззаж, – за всех ответил Гетула.

– Чего на коленках расселись, встали быстро, – все вскочили с колен.

– Тайжанов, дуй сюда.

– Да, армян, – сказал Тайжанчик, подойдя к нам.

– Вот, три красавицы в твое распоряжение поступают.

– Ай спасибо, армян, ай спасибо, – а глазки-то заблестели.

– Я тебе дам «спасибо», в твое распоряжение – это значит кухня, стирка, штопка, уборка... словом, вся женская работа на них, а ты командир. Понял?

– Понял, конечно, армян, зачем злишься.

– Все! Забрал их и очертил им поле работы.

Церемонно поклонившись девушкам, узбекский кавалер повел их за собой.

– Гетула, ты берешь под командование этих двух орлов, на вас – скотина, которую вы пригнали, а еще вы переходите в распоряжение коменданта. Эй, Ром, принимай джигитов, – крикнул я Ромке.

– О, как раз. Спасибо.

– Аззаж Дауд... – обратился ко мне Гетула.

– Да?

– Можно я с аггафари⁷ Никитой останусь?

– Хорошо, но все равно за своих людей головой отвечаешь.

– Да аззаж Дауд, – обрадовался Гетула, – и еще, аззаж, можно, прежде чем мои люди начнут работу, они обустроят свое жилище?

Я вопросительно посмотрел на него, и он поспешил пояснить:

– Они все привезли с собой, это будет очень быстро.

– Ну, раз быстро, то давайте, обустраивайтесь. Когда закончите, переходите к своим обязанностям.

– Есть, аззаж Дауд.

Оставив их обустраиваться, я пошел к Никите.

– Ну чего, Никит, есть чем похвастаться?

– А, армян, кончил аборигенов мучить?

– Закончил, закончил, давай, что тут у тебя интересного?

– Ну, начнем с копий. Поляков, тащи сюда свою зубочистку.

– Чего, так плохо? – спросил я.

– Наоборот, мы тут с копьем классно поколдовали, сам сейчас увидишь, высокие технологии в Вавилоне, – улыбнулся Никита.

Подошел Поляков – с титановой трубкой и двумя штык-

⁷ Аггафари – титул царского дворецкого на древнем аккадском

ножами в руках. Никита сначала взял у него из рук трубу. Посередине перемотанная кожей рукоять, я так понял – чтоб рука не соскальзывала.

– Короче, сначала мы никак не могли нормально закрепить лезвие к трубке, сварки-то нету, не приварить никак. Ну, Поляков и придумал! Короче, у нас тут полно развороченных калашей. Вот мы спилили в них дула, хомутами намертво закрепили к трубе, и сейчас смотри: он забрал у Полякова штык-нож и просто нацепил на дуло – и всё!

Потом повернул и проделал то же самое с другой стороны: получилось копьё с лезвиями на двух концах

– Ну как?

– Вроде... с виду ничего. От удара не слетит?

– Не, ты что, уже испытали. И били, и метали. Намертво. На, попробуй сам, – и кинул рукояткой мне.

Я поймал копьё в воздухе. Первое впечатление, вернее удивление – какое оно легкое! Килограмма два от силы, хотя на первый взгляд казалось, раз в пять тяжелее должно быть.

– Легкое, – взвесил я на руке.

– Да, труба-то титановая, веса в ней хе-тьфу, а прочность, как у алмаза.

– С двумя штык-ножами балансировка классная, был бы я монахом шаолиньским – пожонглировал бы, – мечтательно пошутил я.

– А ты попробуй метнуть, вон мы на скорую руку мишень сварганили – из куска кузова.

Я повернулся и метрах в тридцати увидел мишень с нарисованными на ней кругами.

– Давай, армян, покажи класс! – подбодрил меня Поляков.

– Какой класс, я копьё первый раз в жизни держу.

– Давай, ладно, не ссы, – все подначивал Никита.

Помаленьку вокруг нас начали собираться пацаны.

– Опозорить решил? – шепнул я Никите.

– Да ладно тебе, неужто отсюда не попадаешь?

– Да хрен его знает, я же говорю, первый раз в руках копьё держу.

– Разбегáешься, замахиваешься, мечешь.

– Ну конечно, ты-то, я вижу, уже наметался, как осетр икру, вон вся мишень в дырках.

Народ в нетерпения тоже начал подначивать меня.

– Ладно, расступитесь, дайте хоть разбег взять.

Ребята расступились. Разбежавшись пару шагов, с силой метнул. Не поверите – почти в десятку! Копьё почти наполовину врезалось в крышку. Если бы не кожаная рукоять, могло бы прошить насквозь.

– О, красавчик! А говоришь, не смогу, не смогу, – съехидничал Никита.

– Я не говорил, что не смогу, я говорил, что не пробовал. Новичкам ведь везет.

– Я слышал другую версию.

– Сам дурак!

Повернувшись, увидел, что Гетула со своими ребятами

стоят и глазами пожирают меня, бросок копья явно добавил еще пару очков в мой божественный «рейтинг». Ребята сбегали за копьем и предложили метнуть еще раз. Я отказался – второй-то раз может не повести, и тогда – прощай авторитет.

– Сами кидайте.

Соревнования продолжались минут двадцать, пока я не отобрал копье – нефиг хренотенью заниматься. Никита взял копье, снял штык-ножи и осмотрительно вставил их в ножны.

– Вот и все, и никто никого не поранит. Удобно. В боевое состояние привести – секунды хватит, – похвастался Никита.

– Согласен. Молодцы, – одобрил я, – есть еще что показать?

– Ага! Мы еще экспериментальный вариант щита разработали, показать?

– Конечно. Для чего ж делали? Чтоб не показывать? – пацаны вокруг заржали.

– Ладно, только, чур, без критики. Повторяю – экспериментальный!

– Понял, понял, тащи уже... экспериментатор.

Никита подошел к столярному столу – своей гордости, взял с него щит и подошел к нам. Ну что сказать, выглядело это внушительно, даже очень.

Двухмиллиметровый стальной лист, со сторонами примерно 140 на 75 сантиметров. С двух сторон края сантиметров на пятнадцать загнуты вовнутрь – градусов на два-

дцать, а по периметру обиты деревянными рейками. С правой стороны, как я и попросил Никиту, сделана выемка под копье. В верхней части, на прямоугольной площади пятнадцать на тридцать сантиметров, просверлены мелкие отверстия по три миллиметра, я так понял – для обзора. С внутренней стороны приделаны ручки – деревянная и кожаная, а с внешней, на уровне ручек, добавлена поперечная железная полоска, шириной двадцать сантиметров. Из нее торчал ряд десятисантиметровых острых шипов. Верхний и нижний края отделаны мягкой обивкой. Вот, примерно, такое чудо презентовал нам Никита.

– Ну, рассказывай, что здесь к чему, – обратился я к Никите.

– На-ка, поддержи сначала, – Никита протянул мне щит.

Щит оказался тяжеловат, килограммов восемь, но лежал в руке очень удобно.

– Никит, дырки просверлили, понятно, для обзора, а зачем вы сверху и снизу эту мягкую обивку сделали?

– Щас на примере покажу. Встань в защитную стойку и прикройся щитом, – я встал боком к Никите, правую ногу отставил назад и уперся, ожидая удара.

– Армян, – позвал меня Никита, я выглянул сверху из-за щита. И тут Никита кулаком ударил в верхнюю часть щита. Моя рука сработала как опора рычага, а щит повернулся и вписался мне прямо по переносице. У меня на секунду потемнело в глазах и искры полетели.

– А теперь представь, что этой подушки не было.

– А просто объяснить нельзя было?! – не на шутку разозлился я.

– А так доходчивее, сразу понятно. Правда, Смит?

И только тут я заметил Смита с развороченным носом и двумя фонарями под глазами. Перелом носа, это точно. Экспериментаторы, блин.

– Ясно. А шипы типа хэви-металл?

– Не-е. Просто укрепили щит на уровне руки – на всякий случай, а потом решили еще добавить шипы. Мы болты сточили и шипы поставили, чтоб с той стороны толкать неудобно было

– Ну чего, будем испытывать?

– Давай!

– Каким оружием? Калашом? – пошутил я.

– Ага, а чего мелочиться, давай сразу термоядерной бомбой.

– Твое копьё пробьёт?

– С трудом, но может, наконечник-то стальной.

– Гетула, бери копьё, иди сюда.

Гетула подбежал ко мне.

– Ну что, как в сталинские времена будем испытывать?

– Это как? – удивился Никита.

– Ну, я за щитом встану.

– Не, лучше я, изготовитель же я.

– Что, не уверен?

– Уверен.

– Ну так, что кипишуешь?

– Эй, Гетула, а ну давай, бей, – сказал я, встав в стойку, но наученный первым опытом, уперся в щит плечом и бедром.

– Аззаж Дауд, я не могу поднимать на тебя оружие.

– Давай-давай, я разрешаю.

– Я прогневолю богов.

– Не прогневишь, это же не бой, это испытание. Не бойся, со мной ничего не случится.

– А вдруг.

– Я сказал, бей! – рывкнул я. Бум! Удар получился хиленький. – Гетула, ты что, не завтракал? Давай сильнее. – Бум! То же самое.

– А ну, давай сюда, – услышал я голос Никиты.

Зная габариты и силу Никитенко, напрягся всем телом, не хватало еще упасть от удара. Удар был как из танка. Меня отбросило назад на метр, но я устоял. Плечо онемело от удара.

– Оба-на, – услышал я голос Никиты и осторожно выглянул.

Никита держал в руках то, что раньше было копьем Гетулы. Древко было надломлено, а бронзовый наконечник погнут. Посмотрел на щит – на нем только царапина

– Гетула, а покачественнее оружия у вас нет? – спросил Никита.

Бледный Гетула помотал головой.

– У меня самое крепкое копьё было...

– Не бойсь, Гетулка. Починю я тебе твое копьё, – успокоил его Никита.

– Спасибо, аггафари.

– Ладно, Гетула, иди, занимайся своими делами.

– Есть, аззаж Дауд!

– Ну, что скажешь, армян?

– Молодцы, хорошая работа. Ну, а что не учли, то это по ходу дела будем исправлять, вот начнем тренировки. Кстати, когда всех укомплектуешь?

– Если еще людей дашь, за недельку сделаем.

– Хорошо, бери всех свободных и давайте, вперед. Через неделю начинаем тренировки по строевому бою.

– А мечи?

– Сначала копьё с щитами, чтоб начать тренировки. Да, подумай еще и о доспехах каких-нибудь. Только не полный, рыцарский, – улыбнулся я, – так, легкий, чтоб руки и ноги защитить.

– Хорошо.

Закончив с Никитой, я пошел к Тайжанчику.

– Тайжанчик, как тут у тебя?

– Все хорошо, скоро девушки подойдут. Сегодня пир будет, – весело сообщил Тайжанов.

– Пир, это хорошо. Ну смотри, не обижай девочек.

– Ты что, армян, как можно таких джонон обидеть, – Тайжанчик скорчил оскорбленную мину. – Не обижай меня.

– Хорошо, донжуан, – улыбнулся я и продолжил обход.
Я подошел к огромной яме, в которой копошились ребята.

– Ромыч, что тут у тебя? – поинтересовался я.

Из ямы вылез Ромка – весь в земле. Он с гордостью показал на выкопанную яму и торжественно объявил:

– Ну что, Злой, сегодня закончим копать, начнем покрытие, ну, а завтра – на новоселье.

– Молодца. Отправляй к Никите в оружейную всех наших, кто свободен.

– Да, закончим копать, пару человек пошлю.

– Давайте, дерзайте. Скоро к тебе еще двое аборигенов подключатся

– О, вот за это спасибо.

– Все, давай комендант, у нас неделя на обустройство. Через неделю начинаем тренировки. На хозяйство уже столько времени не будет.

– Понял.

– Ладно, пойду посмотрю, что там аборигены делают.

А аборигены уже установили свою «юрту». Когда я подошел, ко мне подбежал Гетула.

– Ну, что тут у вас? – спросил я, осматривая их точку.

– Уже почти закончили, сейчас только очаг доделают.

– Какой еще очаг?

– Как какой, кушать готовить.

– У нас ведь уже есть очаг, там мы и готовим.

– Но это же для вас.

– Гетула, ты в эти дни где ел?

– С вами.

– А почему ты решил, что они должны есть отдельно!

– Но я сын Хавилы, а они...

– Так, Гетула, запомни сам и объясни своим людям: очажу нас один, едим мы все вместе.

– Женщины тоже? – удивился Гетула.

– Представь себе, да, женщина – друг человека, – усмехнулся я, но Гетула шутку не оценил.

– Ну и что?

– А то. Все едим из одного котла, а еду готовим на одном огне. Это закон, понял?

– Да.

– Вот и хорошо, объясни это своим людям, и давайте, заканчивайте и по своим местам, быстро.

Лагерь постепенно приходил в нормальное состояние, люди при деле, значит, еще повоюем, а мне к Галузе сходить – на перевязку.

Глава 9. Гости

– Бо-ой! – и два строя сошлись в схватке.

Копья, конечно, без наконечников, но все остальное на месте. За три недели в своем оружейном цеху Никита практически обеспечил всех полным боевым комплектом, в который входили копье и большой щит для боя в строю, меч – три сантиметра в ширину и восемьдесят – в длину, к нему малый круглый щит – шестьдесят сантиметров в диаметре. Для мечей девушки сшили кожаные ножны. Дальше – наручи и поножи, каски, слава богу, у каждого свои были, только изнутри закрепили кожаные полоски – сзади и по бокам, для защиты шеи. Ну и бонус: жилет с нашитыми на нем стальными пластинками – внахлест, как чешуя. Все вместе весом двадцать-двадцать пять килограммов. Чтобы наши быстрее привыкли, я приказал проводить все работы в доспехах, даже спать в них. Первое время сам от непривычки не высыпался, но потом ничего, постепенно привык.

Примерно через недельку, когда основные хозяйственные работы закончились и все были укомплектованы большими щитами и копьям, начались тренировки. Но сначала я «обозвал» смену взводом и разделил на два отделения по десять человек, командовать поставил двух дедов – Кузина и Ки-ма. Исходя из того, что половина бойцов представляла собой молодняк, командиры отделений начали гонять своих жест-

ко, по-черному. Но никто не роптал, даже наоборот. Между двумя отделениями началось соревнование – кто круче. Соревнование соревнованием, но во время учебных боев иногда приходилось даже сдерживать их порыв, а то бы ненароком покалечили друг друга. Но пока, слава богу, все обходилось только царапинами и синяками.

Кроме строевого боя, были тренировки и по одиночному бою. Благо, опыт рукопашки у всех есть. Правда, тут в руках лом двухкилограммовый, да и малый щит с не меньшим весом. Бывало, поначалу с непривычки так намахнешься, что пальцы не разожмешь. Но постепенно мышцы привыкли, и все вошло в свое русло.

А сейчас я стоял в стороне и командовал учебным боем. Два отделения в две шеренги – щит к щиту, так что зазора не видно, и только из выемок оцетинились копья. Сходятся со страшным грохотом. Здесь главное держать строй, если строй нарушен, то все – всем трындец. Но пока оба отделения хорошо держатся. За мной стоят Гетула сотоварищи, в глазах юнцов – зависть. А ведь всего пару недель назад они смотрели наши тренировки с полным непониманием. Со строевым боем здесь еще не знакомы, но позавчера мы позвали воинов из их деревни на тренировочный бой, причем мы вышли с копьями без наконечников, а им позволили с боевым оружием. С их стороны вышло тридцать человек против одного нашего отделения – один к трем. Гетула со своими воинами не смогли подступиться близко, а под конец я

выпустил второе отделение. Так они зажали их и наваяли. Правда, не сильно, ведь уже свои... вроде.

Кстати, о своих. Немалую роль сыграли, конечно же, женщины. Уже и пары образовались. Те три девчонки уже начали встречаться с Тайжанчиком, Кимом и Ромкой. Да и остальные пацаны все чаще стали проситься в увольнение в деревню. Отказать я не мог, но поставил условие: чтоб там было все культурно и в рамках закона, причем закона нашего. Ну, короче, вроде все счастливы. Единственный человек, кто не ходил в деревню, был я. Естественно, причина была не только в том, что дел невпроворот, время всегда можно найти. Причина была в Хавне. Зная, что через пару месяцев мне нужно будет уйти, я не мог себе позволить попользоваться девчонку и бросить. А связывать себя я не хотел, на мне и так ответственность за два десятка человек. Уже сколько времени Гетула намекал мне, что Хавна ждет меня. Я ему попытался объяснить свою философию, но тщетно.

– Аззаж Дауд, ведь ты никак не связываешь себя ничем, а для нас честь, если Хавна понесет от тебя, – последнее время он старался не называть меня богом, видя, что меня это жутко раздражает.

– Тьфу ты, твою... короче, заканчивай мозги мне делать! – обычно, на этом я просто разворачивался и уходил, и разговоры на эту тему заканчивались. Но, как правило, всему хорошему приходит конец. Вот и сегодня на совете дембелей Никита, Ромка и Потапов единодушно настаивали, что

пора пригласить Хавилу и его людей к нам, типа на вечеринку. Подозревая, что это неспроста, я сначала отпирался, но потом пришлось согласиться – приперли.

– Армян, ты прям параноик какой-то, везде заговор ищешь, – ухмыльнулся Потапов.

– Да не заговор, просто приключений на жопу не хочу.

– Какие приключения, в натуре, ты какой-то неправильный армян. Тут девка сама к тебе в трусы лезет, а ты в целочку играешь, – возмущенно вставил Ромка.

– Да при чем тут это, просто девку жалко.

– Армян, тебе что, алименты предъявят? – заржал Никита.

– Ты это, со своим законом в чужой монастырь не лезь. Говорят надо, значит надо, у них свои законы, – резюмировал Потапов.

– Ага, а ты все со своей колокольни видишь. Все, давай займись девчонкой, – сказал Никита.

– Ладно, посмотрим. Так что мы с междусобойчиком делать будем? – махнул я рукой.

– А что с ним делать, посылай завтра к Хавиле гонца, зови бухать, – засмеялся Потапов.

– На послезавтра, – решил я.

– Все, заметано, – одобрил комендант.

Через день с утра вдали показался внушительный караван из деревни Хавилы: три повозки и человек сорок. Встречали их почетным караулом. Хотя в увольнение в деревню я

ребят отпускал только при полной экипировке, и их видели уже в этом виде, но слаженные действия караула все равно произвели впечатление.

– Добро пожаловать в наше скромное жилище, уважаемый Хавила, – сказал я и, раскрыв объятия, сделал шаг к нему.

– Пусть нога моя, вступающая в твое гостеприимное жилище, аздаж Дауд, принесет в твой дом тебе, и всем твоим людям лишь добро и процветание, – ответил он мне, шагнул навстречу, и мы обнялись.

После этого я пригласил всех пройти к нам в лагерь. Как только они оказались у нас в лагере, сразу же начали разбивать шатры и обустраиваться. Видно, решили задержаться у нас, ну да ладно, ничего страшного, не стеснят. Пока люди Хавилы обустраивались, я решил устроить ему и его старейшинам экскурсию. Начали с нашей гордости – с оружейной мастерской Никиты. Хавила в сопровождении своих людей медленно обходил, осматривал каждый инструмент, восхищенно качал головой, цокал языком. О незнакомых инструментах долго расспрашивал Никитенко. Никита подробно все рассказывал, а Хавила поворачивал голову к своим людям и одобрительно качал головой. Под конец Никита подарил всем по болту и гайке на 10, а Хавиле, как главе рода – на 16. Такая щедрость привела их в неопиcуемый восторг. А когда он показал, как это закручивается и раскручивается, те вообще на мгновение выпали из реального време-

ни, да и пространства. Минут через десять, когда мне надоело наблюдать, как они тупо снова и снова раскручивают и закручивают гайки, словно совершают какой-то магический ритуал, я отвлек их от этого наиинтереснейшего занятия и предложил продолжить экскурсию.

Когда я показал нашу землянку и окопы по периметру, Хавила очень удивился.

– Вы живете под землей?

– Нет, конечно. Живем мы в высоких каменных домах за высокими стенами. А это мы используем во время военных походов, в целях маскировки. Надеюсь, ты согласишься, что наш лагерь, в отличие от вашей деревни, издали практически не видно.

– Но нам не нужно прятать свою деревню, – ответил Хавила.

– Да, а вот нам пока нежелательно, чтобы нас обнаружили.

Увидев, как у Тайжанчика на кухне у костра суетятся девушки, Хавила спросил:

– Аззаж Дауд, я слышал, что моих людей, которых я прислал служить тебе, ты милостиво усадил за свой стол, и они едят из одного котла с тобой, даже женщины.

– Да. А ты против? – нахмурился я

– Нет, аззаж, я восторгаюсь твоей добротой и милостью, – низко поклонился Хавила, – просто у нас не принято так.

– Ну, это у вас. Вступив на мою землю, человек живет по моему закону. Я же не нарушаю твои законы, будучи у тебя

в гостях.

– Да, о справедливейший, – поклонившись, ответил мне Хавила, не зная чем парировать

– Не переживай, Хавила, когда твои люди вернутся обратно, они вернутся и к вашим законам, – сказал я, похлопав его по плечу, – пойдём, посмотрим дальше?

– Как скажешь, аззаж.

В землянке-казарме мы подошли к оружейке, где аккуратно хранилось наше вооружение, изготовленное Никитой. Видя, с какой жадностью он смотрит на наше оружие, я решил дать ему подержать.

Взвесив в руках щит, Хавила задумчиво произнес:

– Как можно воевать с таким тяжелым щитом? Воистину, это оружие богов.

– У тебя, если захочешь, будет возможность посмотреть показательный бой, когда мы его устроим.

– Мои воины говорили, что наше оружие гнется и ломается, встречаясь с вашим.

– Да, но мы починили все ваше оружие, которое было попорчено по нашей вине.

– Я с удовольствием поучусь у тебя искусству войны, аззаж, – вновь поклонился Хавила.

Закончив экскурсию, мы подошли к шатрам, которые расставили люди Хавилы.

– Ладно, Хавила, обустраивайтесь пока, когда закончите, милости прошу на угощение.

– Да, аззаж.

Я развернулся, чтобы уйти, но меня окликнули:

– Здравствуй, господин.

Оглянувшись, я увидел выходящую из шатра Хавну. Как говорится, если гора не идет к Магомету...

Подойдя, она крепко обняла меня и положила голову мне на грудь. Мои руки автоматически потянулись и тоже обняли ее.

– Я скучала по тебе, господин, и думала о тебе.

– Я тоже думал. Ну, хоть ты перестань меня господином называть, мне твоего отца и брата хватает. Меня зовут Давид. Запомнила? – она кивнула. – Ладно, давай иди, собирайся, скоро угощение, – я оторвал ее от себя, развернулся и пошел к себе, чувствуя на спине ее взгляд.

Через час все разместились вокруг «стола», роль которого играл огромный кусок брезента, постеленный на землю. Прямо на земле расселись все, кроме меня и Хавилы.

Комендант решил сделать нам для презентабельности два трона: вытащил из кабины машины два кресла и закрепил во главе стола. Хотя у аборигенов не принято было, чтобы женщины сидели с мужчинами, но, как я уже сказал Хавиле, у нас свои законы, и женщины сели с нами, правда, в самом конце. Только Хавна почему-то встала у меня за спиной

– Хавна, что ты стоишь там? – оглянулся я.

– Чтоб служить тебе.

– Я сам могу позаботиться о себе, иди садись, – но она не

сдвинулась с места.

Я взял ее за руку, посмотрел на Никиту, сидевшего по левую руку от меня. Никита подвинулся, и я посадил ее между нами. Взглянув ей в лицо, я чуть не рассмеялся. Оно лучилось счастьем полной победы. Она сидела с видом английской королевы. Просто война и немцы, в натуре.

Гвоздем сегодняшней программы и украшением стола был узбекский плов, приготовленный Тайжановым.

Прежде чем приступить к еде, я поднял стакан – кружку с разбавленным спиртом, и сказал первый тост.

– У нас есть традиция: первый тост поднимать за дорогих гостей. Хавила, я хочу этой чашей выпить за тебя и весь твой род, главой которого ты являешься. Хочу пожелать тебе и твоему роду процветания, чтоб стада твои были тучны, воины сильны, оружие крепко, а женщины такие же красивые.

Сказал, чокнулся с Хавилой и опрокинул кружку, немедленно закусив. Пацаны последовали за мной, а Хавила, осторожно понюхав, пригубил, поморщился и поставил стакан обратно. Остальные его соплеменники, глянув на него, тоже положили стаканы на место. Авторитет главы рода несокрушим. Но зато плов уплетали за милую душу, молодец Тайжанов. Созрел второй тост.

– Этим стаканом я хочу выпить за того, кто приготовил это угощение для нас. Тайжанчик, за тебя, брателла, – поднял я стакан. Покосившись на меня, Хавила тоже поднял стакан, но не выпил и тихо поставил обратно.

– Хавила, я смотрю, ты и твои люди не пьете.

– Ваш напиток слишком горяч для нас.

– Вы пьете вино?

– Нет, аздаж, после того, что произошло с нашим прадедом Ноахом, мой дед Хам наказал не вкушать этого напитка.

По-моему, Ной проклял Хама за его выходку, но видя, что это болезненная тема для Хавилы, внука Хама, решил обойти эту тему.

– Ясно, значит трезвенники. Ну да ладно, заставлять не будем, – сказал я громко, чтоб все услышали и не заставляли местных пить.

В поддержку гостей я свой стакан перевернул, мол, мне больше не наливать. Заметив, что миска Хавны пуста, я взял ее и положил плова, сыра и хлеба.

– Что ты делаешь, господин, это я должна прислуживать тебе, а не ты мне, – ужаснулась Хавна, причем «ужаснулась» – это не ради красного словца. Я реально увидел в ее глазах ужас.

– А я и не прислуживаю тебе, я всего лишь ухаживаю за красивой девушкой, – сказал я и взял ее за руку, – ты успокойся и кушай, спокойно кушай. Или мне тебя покормить своими руками? – улыбнулся я, но она испугано помотала головой, – тогда ешь быстренько.

Опустив голову, она начала есть.

Когда насытились и распустили ремни, Поляков взял гитару, чудом выжившую после бомбардировки, настроил ее и

затянул песню Гребенщикова «Город золотой». Пока он пел, Хавна заворуженно слушала.

– Это про твой город? – спросила она, когда Поляков закончил.

– Нет, мой город называют розовым.

– Почему? У вас так много цветов?

– Много, но не из-за этого, а потому, что он построен из розового туфа

– Я бы хотела побывать там.

– Боюсь, это невозможно даже для меня, – с грустью сказал я.

– Кто же так могуществен, что смог разрушить город богов? – удивился Хавила.

– Никто не разрушал его.

– А что же произошло, что вы не можете вернуться? – почувствовав мою грусть, сочувственно спросила Хавна. – Вас изгнали?

– Нет, просто мы потеряли дорогу туда, попав к вам. Поэтому мне так важно попасть в Зиккурат. Мне кажется, что там я найду ответ на вопрос, зачем мы здесь, и мы сможем найти дорогу обратно домой, – объяснил я Хавне.

Она сжала мою руку

– Ваша музыка – словно мир для наших ушей, позволь и нам порадовать ваш слух нашей, – сказал Хавила и кому-то кивнул.

Это был молодой парнишка, который сразу достал масин-

ко⁸ и затянул грустную песню, ну, как и все грустные песни, конечно же, о любви. Потом опять спел Поляков, потом – парнишка с масинко. Песни сменяли одна другую, потом девушки встали и начали танцевать. Одним словом, пир стоял горой.

– Аззаж Дауд, найдется ли среди вас богатырь, который сможет побороть моего? Аксум, подойди ко мне, – к нам подошел высокий парень – примерно два метра ростом, с развитой мускулатурой, короче, местный качок.

– А какие правила борьбы?

Хавила объяснил правила, кстати, напоминая нашу вольную борьбу. Я задумался, кого выставить, у нас все рукопашники. Пока я думал, встал Ким.

– Армян, давай я попробую, у меня три года дзюдо, – Ким худощавый, жилистый, но потянет ли он против такой туши...

– Уверен?

Он просто пожал плечами.

– Правила слышал?

Кивок.

– Ну, смотри не опозорь, – улыбнулся я, – ставки принимаем?

– Ставки – это ко мне, – крикнул Ромка.

⁸ Масинко – старинная эфиопская скрипка. Очень популярный народный инструмент в Эфиопии. Он используется также для аккомпанеента при богослужении (сохранился во многом именно благодаря этому).

Скинув тельник, Ким вышел к сопернику. Стоя рядом с Аксумом, Ким, конечно, не добирал баллов, но я не соби-
рался делать ставки.

– Ну что, аззаж Дауд, поставишь на своего бойца? – хитро улыбнулся Хавила.

– Я не люблю ставки.

– Я тоже думаю, что мой победит, – продолжал он раскру-
чивать меня. Интересно, а что он поставит на кон.

– Я не сомневаюсь в победе, – решил я поддержать его
игру.

– Тогда поставь свой кинжал, – я засмеялся: так вот на что
хочет раскрутить меня фраерок, ну-ну. Хорошо, что автомат
мой не захотел.

– А ты что поставишь за своего?

– А что бы ты хотел? – спросил Хавила уверенный, что у
него пока все неплохо получается.

Я сделал вид, что задумался. Хавила от нетерпения заер-
зал на месте.

– Понимаешь, Хавила, есть маленькая проблема. У тебя
нет того, что нужно мне. Так что, сделки не получится, –
улыбнулся я.

– Я могу поставить половину всего моего скота.

– Зачем мне скот? Я даже не знаю, как за ним ухаживать.

– Я дам тебе людей, чтоб они пасли стада, – не отступал
он.

– Мне они только в обузу. И давай, чтоб закончить этот

разговор, я поставлю все точки над *i*. Во-первых, никакое оружие не уходит из нашего отряда, а во-вторых, я не играю в эти игры, – Хавила сразу сник.

Чтобы как-то его утешить, я предложил:

– Не переживай, Хавила, я сказал оружие, но я же не сказал защиту. Поэтому можешь выбрать жилет, наручи, поножи или шлем. Я подарю тебе в знак нашей дружбы, – глаза Хавилы вновь загорелись.

– Ну что, пусть начинают?

Неожиданно даже для меня, бой закончился быстро, минуты через три, победой Кима – броском через бедро и боковым.

– Полстада, говоришь... – ехидно сказал я Хавиле и рассмеялся, – видишь, я тебе еще и полстада подарил.

– Аззаж, спасибо тебе за твою мудрость и доброту.

...Пировали мы до темноты. Ребята боролись, пели, девушки танцевали... словом, крутая вечеринка в стиле бронзового века.

Глава 10. Любовь

Темнело, народ стал постепенно расходиться. Женщины убирали со «стола». Поблагодарив за угощение, Хавила откланялся и удалился к себе в шатер. Я оказался один и решил пройтись перед сном. Зашел в казарму, скинул жилет, в котором промучился весь день, захватил с собой одеяло и вышел. Нашел укромное место на склоне с видом на закат, расстелил на земле одеяло и лег. Смотрю вроде на закат, а вижу Ереван. Блин, как же я соскучился по родному городу, и по родным и друзьям, конечно, но родные и друзья – это ведь тоже часть моего города, поэтому я скучаю по своему городу.

– Давид, ты здесь, я искала тебя, – я приподнялся на локте, повернулся: ко мне приближалась Хавна, – можно к тебе?

– Ну давай, присоединяйся.

Хавна присела рядом и принялась раскладывать фрукты.

– Пикничок на закате, – улыбнулся я

– Почему ты один? Почему ты ищешь одиночество?

– Ну, специально я не ищу, просто иногда хочется побыть одному, чтоб никто не мешал думать

– О чем?

– Ну, когда как.

– Вот сейчас я увидела, что ты грустил.

– Ну, иногда можно и погрустить, не всегда же о делах

думать, – улыбнулся я.

– Расскажи мне о розовом городе, – блин, она что, мои мысли читает?

– Что тебе рассказать?

– Не знаю, но когда ты говорил о своем городе, у тебя в голосе было так много тоски. У тебя там осталась жена?

– Нет никакой жены, даже девушка бросила: я ушел в армию, а через год она начала встречаться с другим, – улыбнулся я.

– Я бы не ушла к другому. Я бы всегда оставалась с тобой, – я погладил ее по щеке, она закрыла глаза и прижалась к моей ладони.

– Не зарекайся, все-таки время, расстояние...

– А армия эта не в городе, вы были в походе?

– Ну, можно и так сказать.

– А ты долго был в походе в твоей армии?

– Уже два года. Мне через месяц нужно было возвращаться на родину и... произошло все это, и мы попали сюда.

– Я все равно была бы твоей всегда, – не зная, что сказать, я промолчал.

Я положил голову ей на колени. Так мы полежали в молчании.

– Расскажи мне о себе, о родных, о друзьях. Они все остались там?

– Да. Ты спрашивала, почему я загрустил, когда мы заговорили о моем городе...

– Да.

– Наверно, потому, что для меня мой город это не каменные стены, а мои родные, мои друзья, мое детство, мой первый поцелуй, моя первая любовь... Одним словом, мой город – это моя жизнь.

– Я бы хотела увидеть твой город, ты с такой любовью рассказываешь о нем. Знаешь, в этом ты очень похож на моего отца.

– В чем? – я искренне удивился.

– Я просто родилась здесь, но моя родина не тут. И отец мне часто рассказывает о прекрасной стране Пунт⁹ у реки Фисон¹⁰, и когда он рассказывает, у него голос точно такой же.

– Какой, грустный?

– Нет, это не грусть, это что-то другое. Как будто часть его осталась там, и та часть, которая здесь, кровоточит, как рана. И эту рану нельзя ни перевязать, ни вылечить. Так он и живет с кровоточащей раной.

– А почему вы пришли сюда?

– Как говорит отец, это самая большая его ошибка. Как и многие, он поверил Баалу, что, построив Зиккурат, мы сравнимся с богами, и все люди собрались здесь.

– Что, все прям-таки поверили вранью этого Баала?

– Нет, но тех, кто не пришел добровольно, не поддался по-

⁹ Пунт – доисторическое государство на территории Эфиопии.

¹⁰ Река Фисон – древнее название Нила.

сулам, люди Баала насильно согнали сюда, и их участь ужаснее нашей. На самом деле Баалу нужны лишь рабы, он стал насильно угонять людей на стройку, нисколько не жалея их. Так мы, пришедшие добровольно на призыв Баала, потеряли больше половины нашего рода.

– А что же вы не ушли?

– Баал страшен в гневе. Хоть мы и он – потомки Хама и Хуша, но для него это ничего не значит. Он может спокойно уничтожить нас всех. И потом... отец еще надеется найти и вернуть своих людей.

– Да, невесело конечно. А что, никто не может против него, ну, этого Бела?

– Говорят, только его молочный брат.

– И что, этот Бел ничего не может с ним сделать?

– Не знаю. Просто я слышала, что он единственный, чей род не участвует в строительстве. Хотя и находятся у Врат Богов. Говорят, он откровенно насмехается над Баалом из-за его затеи.

– Интересно. И что, всемогущий Бел ничего не может сделать? Почему?

– Ну потому, что они молочные братья.

– И что? Я так понял, Бел и твой отец тоже близкие родственники.

– Не знаю. Мой отец не решается открыто выступить против.

– Может, у брата Бела много воинов?

– Нет, по сравнению с войском Баала, у которого десять тысяч, у него почти никого. С младшими братьями, если соберутся, всего триста мужчин.

– Хм, интересный расклад. А что еще знаешь о нём?

– Я мало что знаю. Только когда отец со старейшинами обсуждали, слышала кое-что. Знаю только, что он, как и ты, из рода от семени Хабета. Ты лучше у отца узнай, он больше расскажет.

– А с чего ты взяла, что я от Хабета?

– А ты так же разговариваешь, и только вы можете позволить себе не называть его Баалом¹¹.

– Знаешь, Хавна, я думаю, что скоро вы сможете вернуться в ваш Пунт, и ты сможешь омочить свои красивые ножи в реке Фисон, – Хавна застенчиво улыбнулась.

– А ты правда считаешь, что я красивая?

– Правда.

– А твоя первая любовь тоже была красивая?

– Да, иначе я, наверно, не влюбился бы.

– А что тебе нравилось в ней?

– Вот вы, бабы, везде одинаковые, на что она тебе сдалась?
– улыбнулся я.

– Ну расскажи, мне интересно

– Ну, кроме того, что она была красива, мне нравилось, как она вела себя, как одевалась...

– А тебе нравится, как я одеваюсь?

¹¹ В семитских языках «хозяин, господин».

– Ну, если честно, я бы не назвал бы это одеванием, а скорей раздеванием, – пошутил я.

– Что, тебе не нравится? – настроение Хавны явно упало.

– Нравится, нравится, – поспешил я успокоить ее, – просто у нас не принято так одеваться, открыто, – заметив в глазах Хавны вопрос, я пояснил, – ну, ходить с открытой грудью.

– Тебе не нравится моя грудь?

– Наоборот, очень нравится. Просто мне кажется, что чуть более прикрытая женщина более желанна.

– Я же говорила, что ты от семени Хабета. У них женщины тоже так ходят.

– Я думаю, когда в женщине есть загадка, ну типа, «а что там под одеждой?», то к ней тянет больше. Но это мое мнение. Да и раздевать мы больше любим, – улыбнулся я и притянул ее к себе.

Мы долго лежали рядом, целовались, она положила голову мне на грудь, прижалась ко мне всем телом, как цыпленок. Так мы лежали минут десять, молчали, каждый думал о своем. Вспомнилась фраза какого-то мудреца, что найти тему для разговора можно с близким человеком, а вот просто молчать вдвоем об одном и том же могут только родственные души. Блин, что за мысли сопливые в голову лезут, сам себе удивился.

– Знаешь, Давид, мне так хорошо и спокойно рядом с тобой. Мне кажется, ты меня никогда не обидишь и всегда за-

щитишь.

– Ну, не знаю насчет «никогда» и «всегда», но в ближай-
шие время, пока мы здесь, это я могу тебе обещать, – не хочу,
чтоб она строила иллюзии на мой счет. Мы, попавшие сюда,
лишние в этом мире, и неизвестно, что и как все обернется.
Так зачем зря девчонке давать надежды.

Она подняла голову, посмотрела мне в глаза и, видно, про-
читала мои мысли. Но не отпрянула от меня, а наоборот,
впилась в меня поцелуем. И нас прорвало, как плотину. При-
шли мы в себя, только когда начало светать. Быстро оделись,
и я проводил Хавну до ее шатра. Хотелось спать, но у нас
гости, да и за пацанами тоже пригляд нужен, дисциплина...
мать ее. Но Хавна затащила меня в шатер.

– Пока все спят, давай полежим у меня.

– Ну, поспать чуток нам не помешает, – согласился я.

Но поспать как-то опять не получилось... Под конец, со-
всем обессиленный, я все-таки заснул.

Проснулся я в полдень от поцелуя. Открыв глаза, обнял
ее и притянул к себе.

– Подожди, подожди, сначала поешь.

– О, ты уже покушать сварганила, умничка! Так-та-ак, что
тут у нас? – отпустив ее и потирая руки, взглянул на при-
готовленный Хавной завтрак. – Да, сметана, мед и орехи, –
улыбнулся я. – Решила мои силы восстановить. Не бойся,
меня еще на много хватит. Но все равно спасибо.

И тут только я заметил, во что она одета, и чуть не пода-

вился. На ней была тельняшка без рукавов, довольно длинная, доходившая ей почти до колен. На талии она перетянула тельник своим поясом. А кроме пояса, из старой одежды остались лишь ожерелья, браслеты на руках и ногах – словом, ее бижутерия. Все это смотрелось очень необычно. Под облегающей тельняшкой обрисовывался каждый изгиб ее стройного тела. Смотрелась она сногшибательно. А может, ну его на фиг этот завтрак, промелькнула шальная мысль, но Хавна сразу пресекла мои неприличные поползновения, настояв на завтраке.

– Хавна, может, пока я ем, ты расскажешь, что это значит? – спросил я, показывая на ее прикид.

– А тебе не понравилось? – вот лиса, ведь видит, что понравилось.

– Понравится-то понравилось, но что за идея и откуда тельняшка?

– Когда ты заснул, я к твоему аггафари ходила.

– Это к Никите, что ли, ну-ну, и что дальше?

– Я попросила рассказать, как ваши женщины одеваются, он мне показал рисунок его жены.

– Фотку. Ну, и что дальше?

– А дальше я пошла к твоему хедугу¹².

– А это кто?

– Рома.

– Ну и? – я представил, как она поставила весь лагерь на

¹² Хедуг рас (или хедуг) – на древнем аккадском титул царского мажордома.

уши, пока я спал.

– Ну и, уговорила его дать мне это платье, – я засмеялся, представив, как она Ромке мозг выносила, если он ей тельник за платье впихнул, но получилось прикольно.

Плотно позавтракав, я вышел из шатра, ловя на себе взгляды людей Хавилы.

– О-о, аздаж уже проснулся? – ко мне подошел сам Хавила.

Я посмотрел в небо, ни фиги себе, солнце высоко, уже час дня, наверно, вот и аздаж проснулся.

– Вообще-то, я просыпаюсь намного раньше, просто сегодня как-то так получилось.

– Да, я понимаю, – ухмыльнулся Хавила.

Блин, он что, себя уже моим тестем считает?

– Мы все ждали твоего пробуждения. Ты же обещал поделиться с нами премудростями боя.

– Обещал, значит, поделюсь, – буркнул я, – а пока мне надо к своим сходить, посмотреть, что да как там. Я пришлю к тебе человека, когда надо будет, – сказал я и потопал к казарме. Без меня народ вроде не успел распоясаться, занимались каждый своим делом. Ко мне подошел Потапов.

– Привет, ну и горзд ты дрыхнуть, брат. Я на развод построил людей, чтоб тебя не отвлекать, – сказал он как-то с намеком, или мне это показалось.

– Отвлекать от чего?

– Ну как от чего, ну, от этого, ну... – смешался Потапов,

разводя судорожно руками.

– Ладно, ясно. Молодец. Все при деле?

– Да. Ждали, пока подойдешь, чтоб показательный бой устроить, вчера еще аборигенам обещали. Вон начальник их сколько раз Гетулу подсылал – когда, мол, когда. Но я твоему... ну, Хавиле сказал, что подождем тебя.

– Это ты хорошо сделал, только позволь уточнить, что ты хотел сказать моему... кому?

– Да не важно. Армян, чего ты злой такой!

– Проехали.

– Что, армян, неприступная Армянская крепость пала? – издали крикнул Ромка, направляясь к нам.

– Что, все? Не целка уже? – с другой стороны приближался Никита.

Сколько ни старался я сделать сердитое лицо, но не выдержал и захохотал вместе со всеми.

– А как мы ее принарядили для тебя, а? Карден нервно курит в сторонке. Красотка – пальчики оближешь, – сказал Никита

– Вот пальчики свои и облизывай, а на то, что мое, слюни не распускай. Ладно, пацаны, ближе к делу. Показательный бой давать будем?

– Давай.

– Только давайте между собой, а то надоело после них оружие чинить, – нахмурился Никита.

– Ну, это как получится, если Хавила настоит...

– По-родственному, – вставил Потапов и тут же получил от меня подзатыльник.

Глава 11. Древо Жизни

Мы с Хавилой сидели на возвышенности и следили за двумя отрядами, которые шли на сближение. Первый наш, второй – отряд Хавилы. Он все-таки настоял на участии своих людей в показательном бою. Наученные предыдущим горьким опытом, они попытались тоже создать подобие строя. Но удержать его не смогли. При сближении сторон их строй распался и снова превратился в толпу, и при численном перевесе почти в два раза мы их все равно разогнали.

– Красивый бой и красивая победа, аздаж! – поздравил меня с победой Хавила. – Мои люди в прошлый раз рассказывали, но я не поверил. Ты можешь научить нас?

– Могу, конечно, но только при условии, что твои люди на время обучения должны будут перейти под полное мое командование и соблюдать строгую дисциплину. Над ними я поставлю командиров из своих людей, чьи приказы они должны выполнять беспрекословно. В случае непослушания будут с позором изгнаны с учебы.

– И не только с учебы, – заверил меня Хавила. – Я знаю, одному в этом мире не выжить, поэтому изгоем никому не хочется быть. Я согласен, аздаж

– Тогда оставляй, сколько хочешь, людей для защиты деревни, а остальных присылай ко мне.

– Если я соберу всех людей со становищ, то наберется че-

тыре сотни человек.

Я присвистнул в уме. Нехилая боевая единица получается – два батальона. «Это что ж получается, я уже полковник?» – коряво пошутил я в уме над собой.

– Я сначала пришлю половину, а после сменю их на вторую.

– Присылай.

– Благодарю тебя, аздаж. Позволь... еще вопрос.

– Ну, раз начал, то давай, – дружелюбно ответил я.

– А почему ваши щиты чисты, почему вы не защищаете их своими предками или магическими знаками?

– Ваши щиты защищены?

– Да, конечно, ты же видишь.

– И очень помогло это вам? – улыбнулся я.

– Да, ты опять прав, богам не нужна защита, они сами дарят защиту, как вы нам.

– Хавила, ты опять за старое, – я махнул рукой, все равно ничего не изменишь. – Но знаешь, Хавила, а в твоих словах есть интересное: можно намалевать на щите, но не для защиты, конечно, а чтоб издали видели, чьи эти щиты, и знали, что не стоит с нами связываться.

– В благодарность за твою помощь в обучении наших воинов мой жрец может нанести знаки и освятить их.

– Знак будет один на всех щитах, – заметно было, что Хавила удивился, но перечить не стал и позвал жреца.

– Хет, ты слышал? – к нам подошел мужчина с высох-

шим, словно опаленным лицом, на котором не было и намека на какие-либо эмоции. Просто каменное лицо, на котором невозможно прочесть ни мысли, ни настроения хозяина.

– Да, брат мой, я услышал. В каком знаке аздаж нуждается? Для защиты или для ярости в бою, для увеличения силы или выносливости?

– И что, для каждого существует специальный знак? – усмехнулся я.

– Да, аздаж, – он заметил мою ухмылку, но все равно на каменном лице не дрогнул ни один мускул.

– Меня не интересуют ваши знаки. Ты можешь нанести тот знак, который я тебе покажу?

– Да, аздаж, но смогу освятить, только если пойму сущность этого знака.

– Ден, – позвал я своего стажера, – тащи сюда ручку и бумагу.

Через минуту требуемое было у меня в руках. Я с детства неплохо рисовал, поэтому быстро набросал эскиз древа армянского креста с армянским знаком вечности на пересечении. Закончив рисовать, я протянул рисунок Хету. Он протянув было руку, но вдруг неожиданно для меня (и я так понял, не только для меня), побледнел как мел, отдернул руку и склонился в глубоком поклоне, отведя взгляд от рисунка. В воздухе повисла пауза.

– Хет, ты сможешь нанести этот рисунок?

– Прости меня, о Божественный, – не поднимая головы,

сказал он, – не знаю, найду ли я в себе силы, и не покарают ли меня боги за святотатство.

– А в чем святотатство?

– Это же Древо Жизни из сада Эдемова, из которого Праотец Земли нашей был изгнан, осквернив себя.

Чтобы разрядить обстановку, я вытащил нательный крестик, с которого я скатал рисунок

– Да его у нас даже дети носят, – улыбнулся я.

Увидев крестик на мне, Хет, а за ним и все бухнулись на колени, закрыв головы руками.

– Армян, ты что, опять местных гнобишь? Что, команда «воздух» прозвучала? – усмехнулся Никита. – Та-ак, народ, поднимаемся, поднимаемся, ничего не боимся. Армян только с виду такой злой, а на самом деле очень добрый.

Никита взял Хета под мышки и, несмотря на сопротивление, поднял и поставил на ноги. Но тот не поднимал глаз и не смотрел на меня.

– Ладно, побарахтались и будет. Давайте, вставайте, – сказал я, подошел к Хавиле и поднял его на ноги. – Все, народ, я убрал крестик, можете подниматься.

После того как Хет и Хавила оказались на ногах, а крестик под тельняшкой, люди стали подниматься.

– Хет, что-то ты сник, дружище. Ну так как, сделаешь?

– Прости меня, Божественный, у меня нет такой силы. Не рожден еще Всепрощающий, только используя твою силу, я попробую это сделать, и если ты – прошедший Миров, Воду

и Святое Благословение, то ты дашь мне эту силу.

– И как я дам тебе эту силу? Картинку дал, что еще?

– Мы вдвоем пройдем этот ритуал.

– Ну ладно, а когда? – я уже пожалел, что начал все это, мог бы кому-то из ребят дать нарисовать, кто получше рисует, в крайнем случае, сам бы нарисовал. Нашел на жопу приключение в очередной раз.

– Я сообщу тебе, о Божественный, когда все будет готово к ритуалу.

– И что будет в ритуале? Может, расскажешь в двух словах?

– Ты напоишь своей кровью свой щит и передашь рисунок с себя на него.

– Объяснил, блин. А это обязательно? Не люблю все это шаманство. А просто нарисовать можешь? – я окончательно пожалел, что согласился.

– Только перейдя грань и доказав свою силу, ты можешь передать ее и получить древо на щит

– И как я буду доказывать?

– Твое тело освободит дух, который оставит символ на щите, я не имею силы над этим символом, не прошедший ритуал Мира, Воды и Благословения, вмешавшись, просто умрет. Но тебе нечего бояться, ты ведь носишь знак Древа на шее.

– И что, мне все щиты нужно кровью поливать, у меня крови не хватит, – улыбнулся я.

– Нет, о Божественный, от одного передастся всем, как от отца сыновьям.

– Ладно, черт с тобой, готовь. Никит, сдается мне, на мне опыты ставить будут.

– Не ссы, мы по ходу присмотрим.

– Мои люди могут присутствовать на ритуале? – спросил я.

– Не только могут, но и должны. Только их духовная поддержка поможет тебе выжить при переходе.

– А что, может быть и летальный исход? – напрягся я.

– Переход и есть летальный исход. Но я думаю, тебе нечего беспокоиться. Все говорит о том, что тебе ничто не может угрожать.

Интересно, и рыбку съесть и на елку... сверху посмотреть. То говорит, помереть можешь, а то – не боись, не помрешь. Я посмотрел на окружающих меня людей, которые ожидали моего решения. А ведь уже не откажешься. Иначе авторитет не восстановишь.

– Когда будешь готов к ритуалу? – спросил я Хета со всей решительностью.

– Завтра на закате.

– Если что нужно будет для ритуала, Никита тебе поможет, да Никит?

– Ну так ...

– Все, разошлись. Хавила, завтра ритуал, а послезавтра я хочу видеть первую группу воинов готовыми к тренировкам.

– Да, Божественный.

– Хавила, мы же вроде договорились.

– Да.

– Все, всем разойтись. Никита, Ромка, Потапов, давайте сюда, базар есть.

Когда остались одни, сели, закурили.

– Ну что, чего скажете? – без предисловий начал я.

– А чего говорить, мистическая хренотень, по-моему, ничего страшного, – первым высказался Ромка.

– А что за переходы туда и обратно, отпускания души... а вдруг замочат? – бдительный Потапов не изменяет себе – как всегда, настороже.

– Да на фига им? Мы же вроде им нужны, вон целый полк солдат обучить надо, – версия Никиты вроде более реалистична, – да и потом, мы же там будем, так что подстрахуем, если что.

– Ладно, с этим все ясно, теперь по местам – на тренировки. Что будем делать? У Хавилы около четырехсот воинов.

– Целый полк, – удивился Ромка.

– Половину он пришлет сейчас, а половину – когда закончим с этими, – пояснил я.

– Короче, батальон сменит батальон.

– Что скажете?

– А оно нам надо, в натуре?! – сразу отрезал Ромка. – Нам бы самим разобраться.

– Ну, во-первых, Ром, пока что в этом мире Хавила – наш

единственный союзник. Они нас кормят, помогают нам. Ром, одной рукой хлопать не сможешь. И во-вторых, обучая их, мы и сами будем учиться. Можно более развернутые бои устраивать... так что, это нам тоже на руку.

– Ну, тогда берем, что тут обсуждать, – высказался Никита, – батальон делим на две роты.

– Вот и я об этом. Первая рота твоя, вторую кто возьмет?

– Я пас, – поднял руки Ромка.

– Тогда ты, Потапов.

– Хорошо.

– Ну, там по ходу разберетесь.

– Сделаем.

– Ну, тогда, Ром, тебе придется заняться их обустройством, двести человек как-никак.

– Ну вот, все-таки припахали.

– Не плачь. Мне тут завтра помирать по плану положено, и то не плачу, – улыбнулся я, – как будто сам все делать будешь, их же и поставишь на работы, если надо будет. Все, вопрос закрыт, идите готовьтесь, пацаны.

– А ты? А-а, я ж забы-ыл, ты ж у нас уже мужчина не одинокий, мягко говоря, – на этот раз Потапов получил подзатыльник от Никиты.

Уже ночью, в шатре Хавны, мы лежали обнявшись, она положила голову мне на грудь и гладила мое плечо.

– А тебе завтра обязательно проходить этот ритуал?

– Думаю, да, если я откажусь, то и твои, и мои люди разо-

чаруются во мне, – здесь я скривил душой, в моих ребятах я был уверен на все сто процентов.

– Я боюсь.

– Ты думаешь, Хет захочет сделать мне что-то? – напрягся я.

– Нет. Хет мой дядя, он очень хороший, очень добрый и честный, он сделает все, чтобы с тобой ничего не случилось. Но я первый раз видела его таким испуганным и растерянным.

– А чего он так испугался?

– Не знаю. Наверно, твоего родового знака.

– Это не мой родовой знак.

– А что это?

– У нас на седьмой день рождения ребенка крестят.

– А что это?

– Ну, мне сложно так с нуля объяснить это. Это ритуал, когда мы принимаем Бога. Ребенка опускают в купель с водой, потом помазывают Миром. А в конце ритуала на шею вешают такой крестик, благословляя его на правильную жизнь.

– Прошедший ритуал Мира, Воды и Благословения.

– Надеюсь, он именно это имел в виду.

– А что это означает, – держа в руках крестик, спросила Хавна. Интересно, она совсем не боялась его, как другие.

– Это крест, на котором был распят Сын Божий.

– За что?! – изумилась Хавна.

– Потому что люди были обозлены. Когда его кровь упала

на прах Адама, все грехи человечества очистились, и каждый человек уже с нуля выбирает, как ему жить: в грехе или в чистоте. Сын Божий прощает все грехи, если раскаяться.

– Всепрощающий?

– Наверно, да.

– Но он сказал, что Всепрощающий еще не рожден

– Ну, если мы говорим об одном и том же, то он родится через несколько тысяч лет.

– Это очень много, а ты знаешь будущее?

– Для меня это прошлое, но я не все знаю. Давай спать, завтра тяжелый день, – сказал я и чмокнул ее в носик.

Она обиженно уткнулась мне под мышку, и мы заснули.

Глава 12. Ритуал

На следующий день меня разбудили песни, доносившиеся снаружи. Блин, неужели потише нельзя! Высунув голову наружу, увидел, что шатер окружили воины Хавилы. У входа собрались женщины, они танцевали и пели песни, а у самого входа в шатер стояли двое часовых из наших – в полном вооружении. Я так понял, это уже Никита подсуетился. Увидев меня, все радостно закричали, мужики застучали копьями по щитам в знак приветствия, женщины хлопали в ладоши и кричали. Короче, никогда не думал, что могу своим пробуждением вызвать такой взрыв эмоций. Кстати, а где Хавна, куда она пропала? Я засунул голову обратно, быстро натянул на себя штаны и ботинки, огляделся... блин, похавать бы. В шатре поесть было нечего, поэтому уселся обратно на ложе. Н-да, придется подождать, пока фестиваль народной музыки снаружи закончится.

Но тут полог раскрылся, и напевая песню, хлопая и танцуя, в шатер зашли женщины и стали расходиться по периметру. Последней вошла Хавна, все ее тело было расписано белой глиной, какими-то иероглифами, то ли знаками, в руках она несла огромный поднос, полный еды. С обеих сторон ее сопровождали два парня в жреческих одеждах. Дойдя до середины шатра, Хавна начала танцевать, подняв над головой поднос. С виду поднос выглядел очень тяжелым, но

Хавна не только легко удерживала его, но еще и умудрялась вертеть над головой в танце, как пушинку. В трансе она, что ли... Не зная, как себя вести, я продолжал сидеть на ложе – ну, не танцевать же мне со всеми. Протанцевав так минут десять, Хавна и эти двое глубоко поклонились мне и так, склонившись, подошли. Хавна положила поднос передо мной и опустилась напротив на колени. Двое жрецов сели с двух сторон от меня, положив руки на колени. На подносе были только молочные продукты. Ну, если так надо, то ладно. Взглянул вопросительно на Хавну – мол, уже можно есть или нет. Она пришла мне на помощь и начала меня кормить из рук. Первым моим порывом было взять еду у нее из рук и есть самому, но жрецы остановили меня и вернули мои руки на исходную позицию: сиди, дескать, не рыпайся, сервис у нас на уровне. Трапеза проходила при всеобщем полном молчании, под шумный аккомпанемент женского хора.

Снаружи доносились лишь крики воинов Хавилы и бой барабанов. Что и сколько есть, решала за меня Хавна. Покормив меня, она встала. Две женщины унесли поднос, и в ту же минуту к Хавне присоединились несколько девушек, подняли меня на ноги и стали танцевать вокруг меня – хлопая в такт и синхронно кружась. «Блин, интересно, не съедят ли меня в конце?» – в уме я пытался шутить, чтоб расслабиться, но тут... меня начали раздевать. Я было дернулся, но девчонки засмеялись и настойчиво продолжили. «Ладно, расслабься и получай удовольствие», – уговорил я себя. Раздев

меня догола, повязали набедренную повязку, и танец продолжился – без всякого интима. Хавна взяла меня за руки и, пританцовывая, вывела из шатра. Жрецы Хета с каменными лицами беззвучно следовали за нами. Дискотека на этом не закончилась, она продолжилась уже на свежем воздухе. Мне все это напомнило сюжет из телепередачи «Клуб кинопутешественников» о каком-то африканском племени, только там танцевали вокруг костра и вроде людей не ели, может, и здесь пронесет, я все еще пытался шутить в уме – надо же как-то расслабиться. Но расслабился я, только когда увидел своих ребят, которые стояли в сторонке и явно прикалывались надо мной. Увидев их реакцию, внутренний напряг отпустил меня. Я чуть сам не стал пританцовывать под ритм барабанов. Почувствовав что-то, Хавна улыбнулась, вплотную приблизилась ко мне и шепнула:

– Не переживай, расслабься и доверься мне, – я только кивнул в знак согласия.

Но одно дело кивнуть, расслабиться сложнее. Стоило мне почувствовать тепло ее тела, во мне словно сработал какой-то тумблер, и напряжение улетучилось, я слышал только ритм барабанов, да на коже чувствовал тепло Хавны. Ноги сами собой начали притоптывать в такт, а вся процессия направилась к подножию холма, на котором был разбит лагерь. Там под обширным навесом стояло что-то наподобие огромной ванны, размером с небольшой бассейн. «О, водные процедуры намечаются, – мне уже стало почти весело, я с удо-

вольствием прихлопывал и пританцовывал. – Блин, они явно чего-то в еду подмешали», – подумалось мне.

Подойдя к холму, мы с Хавной и ее подружками поднялись по лестнице к бассейну и залезли в воду. Вода успела немного прогреться на солнце, но еще слегка холодила кожу. Приятно пахло мятой и еще какими-то травами. «Меня заваривают с травами», – мелькнула очередная веселая мысль, но тут же пропала. Я заметил, что рисунки на теле Хавны водой не смыло.

Тщательно обмыв меня (все под неусыпным вниманием жрецов), в сопровождении песни и пляски людей Хавилы меня вывели под руки из воды и уложили там же на ложе. Принесли маслá и благовония. Я не большой любитель массажа, но тут минут через десять отключился. Пришел в себя, когда солнце уже садилось. Рядом никого не было, только Хавна и два ее безмолвных друга. Они молча стояли у изголовья и ждали моего пробуждения. Лиц их я не видел, так как солнце садилось за их спинами и слепило меня. Проснувшись, я почувствовал себя заново родившимся. Всю усталость и напряжение последнего времени как рукой сняло, и я чувствовал себя полным сил и энергии. «Это ж сколько я здесь валялся, уже закат, – подумал я, – вот что массаж животворящий с человеком делает». Я продолжал прикалываться над собой.

Не успел я подняться с ложа, как Хавна и жрецы заключили меня в треугольник – с Хавной в вершине и жрецами

по сторонам. Они повели меня к шатру Хета, стоявшему на отшибе, отдельно от всех. Из шатра доносился монотонный барабанный бой. Весь шатер и земля вокруг него были разрисованы какими-то магическими знаками, подойдя к которым Хавна остановилась и отошла в сторону, пропуская нас. Я так понял, ей туда дорога заказана.

Войдя внутрь, мы оказались в крошечной тьме, только из трех отверстий в потолке шатра падали три луча, которые сходились посередине и освещали миску с какой-то белой жижой. В шатре пахло какими-то благовониями, отчего голова стала немного кружиться. Мы подошли к миске, и два жреца положили руки мне на плечи и чуть надавили, давая понять, что надо сесть. Сами опустили по обе стороны от меня, лицом ко мне. На грани слышимости, не ушами, а скорее всем телом я ощутил исходящий от них звук – м-м-м-м. От этого звука тело мое начало вибрировать. Перед глазами стало темнеть. Бой барабанов и голоса двух жрецов вдруг резко прекратились. Я тряхнул головой, пытаюсь привести ее в порядок. Из темноты неожиданно вынырнула голова Хета. Если бы не полная релаксация, я бы, наверное, подскочил с перепугу, но сейчас просто уставился ему в глаза. А он начал напевать свои ритуальные песни, которые подхватили его помощники, опять забили в такт барабаны.

Помощники Хета подняли чашу. Хет погрузил в нее пальцы и, напевая свои молитвы, стал рисовать на мне какие-то знаки. Кожу начало жечь. Я посмотрел на свои руки: на них

Хет уже успел нанести иероглифы, и мне показалось, что в этих местах кожа задымилась. Потом роспись на мне стала расплываться, и жжение прекратилось. Хет снова нанес рисунки. Опять жжение, и опять знаки расплылись. Хет снова сделал попытку, но с таким же успехом.

– Божественный, ты и Дерево на тебе отторгают защиту, которую я пытаюсь дать тебе, – это были первые слова, которые я услышал за сегодняшний день, не считая фразы Хавны, которую она успела шепнуть мне на ухо. От неожиданности я вздрогнул, словно впервые услышал человеческую речь. – Одна надежда, что Дерево и Благословение защитят и помогут тебе, а я здесь бессилён.

Сказав это, он поклонился и встал. Помощники подхватили меня за руки, и все вместе мы вышли из шатра. Снаружи уже было темно. Небо от края до края было усыпано звездами. Они сияли так близко, что, казалось, вот протяни руку и возьми пригоршню.

Вокруг шатра горели костры. От самого шатра шла дорога, тоже по краям освещенная огнями. У входа стояли два огромных быка. Меня подвели к ним и помогли подняться на них. На широких бычьих спинах стоять было легко, главное, чтоб они шли в такт и рядом, чтоб ноги не разъехались, а в том, что мне придется передвигаться именно так, я был уверен. Помощники Хета помогли мне встать на животных, прошли вперед, взяли быков за кольца в носу, и под размеренные напевы жрецов вся процессия пошла по освещенной

дороге. Хавна стояла в сторонке, а когда мы вышли, пристроилась сзади, в конце процессии. Быки шли спокойно, я почти не ощущал качки. Вдали показалась широкая площадка с огромным прямоугольным камнем в центре и множеством людей с факелами в руках.

Когда мы приблизились к площадке, быки остановились, и я спрыгнул с них. Вокруг камня сидели люди, и если бы не оружие и штаны, я бы не узнал в них своих ребят. Все они сидели по пояс голые и измазанные той же белой краской с головы до пояса. В руках они держали щиты, а копья и мечи лежали рядом на земле. Странно, но сейчас я ощущал их поддержку не на физическом, а скорее на каком-то высшем, духовном уровне. Их лиц я не мог разглядеть из-за краски, а тем более прочитать их настроение. За спиной каждого из ребят стоял жрец. Сопровождающие подвели меня к камню. Два воина Хавилы поднесли мое оружие и щит и с поклоном передали мне. Жет окропил все это водой, принял у меня и сложил все на камень: щит посередине, а меч и копьё – по обеим сторонам щита.

Все это происходило под ритуальные песнопения жрецов, бой барабанов и звуки масинко. Жету поднесли большую чашу с какой-то жидкостью. Произнеся над ней молитву и добавив еще что-то, он принял чашу, подошел ко мне, отпил из нее и передал мне. Приняв чашу, я тоже отпил из нее. Напиток был очень терпкий, сладкий, чем-то напоминал до-

шаб¹³, но явно был с какими-то добавками. Сделав большой глоток, я передал чашу обратно Хету. Он принял ее и, продолжая напевать ритуальные гимны, по очереди поднес всем моим ребятам.

В тот момент, когда из чаши отпил последний, у меня все поплыло перед глазами. Я метался внутренне, бился о стену той клетки, которая сдерживала меня. Напрягшись, я из последних сил сломал решетку и с криком выбрался наружу, ощутив полную, беспредельную свободу. Оглядевшись вокруг, я замер. Что-то было не так. Не сразу сообразил что именно, но потом дошло: я смотрю на все не изнутри, а, как это ни смешно – откуда-то сверху, под углом. Двое жрецов, которые сопровождали меня весь день, держали меня под руки, вернее, я висел у них на руках спиной в Хету, который густо смазывал мою спину той же жижей, что и в шатре, но без рисунков. Вокруг Хета, двух его помощников и меня – того меня, который остался внизу, стояли двадцать воинов – моих воинов, судя по тому, что у них было наше оружие. Они стояли оцетинившейся копьями стеной из щитов. Вокруг меня вертелся темный вихрь, стремящийся прорваться к моему телу. Закончив обмазывать мне спину, Хет взял обсидиановый нож и стал вырезать на моей спине крест, эскиз которого я дал ему. Крови было не много, она смешивалась

¹³ Дошаб – уваренный, концентрированный фруктовый сок. Как известно, различные виды дошаба принято изготавливать на основе абрикосового, виноградного либо тутового сока, причем без использования сахара. Тутовый дошаб является отличным народным средством от кашля.

с белой краской. Стал проявляться рисунок. Боли я не чувствовал – ни тот я, который смотрел сверху, ни тот, который был внизу. Чем ближе был конец рисунка, тем яростнее бился черный вихрь о щиты воинов. Но, натыкаясь на копья, он отскакивал с ужасным, леденящим кровь воем.

Закончив рисунок, Хет опустился на колени, воздев руки кверху. Из него вырвался нечеловеческий крик, который рассек окружающую нас мглу. Это помогло уложить меня окровавленной спиной на щит, а воинам – занять новую позицию, окружив алтарь вместе со мной. Но через пару секунд атака тьмы повторилась. Хет лежал без сознания, а воины продолжали бить, крушить и разгонять тьму. Странно, но тьма не приближалась ко мне – тому, который наблюдал сверху, а обходила стороной, словно обжигаясь, стремясь именно к телу, лежащему на щите.

Посмотрев на все это, я устремил взгляд вдаль, и увидел кровавое зарево. В его сторону по земле тянулись красные метастазы. Любопытство пересилило, и я метнулся туда. Передо мной выросла огромная пирамида, метров девяносто в высоту. «Зиккурат Этеменанки, – догадался я, – или Вавилонская башня, как знают его в мое время». Метастазы земли сходились именно в нем. Зиккурат, как раковая опухоль, весь кровоточил, реки крови стекали по ступеням. А из него исходил стон сотен тысяч несчастных, погибших во имя величия его. Боль охватила меня. Терпеть эту боль было невозможно. Я метнулся в сторону и оказался в темном

помещении, еле освещенном несколькими факелами. В зале было несколько человек. Лиц в потемках не было видно. Я слышал их разговор.

«– Повелитель, почти все склонились пред тобой, может, немного ослабить давление на другие роды?»

– «Почти» меня не интересует, предо мной должны склониться все. И этот презренный потомок Фаргома¹⁴.

– Сын мой, – послышался женский голос, – не забывай, что я вскормила его своим молоком – тем же, что и тебя, вы молочные братья, не смей причинять ему вред.

– Мать, он открыто насмехается надо мной перед людьми, он не выказывает мне уважения, какое подобает проявлять к повелителю.

¹⁴ Фогарм, Фаргом, Тегарма, Торгом – библейский послепотопный патриарх, сын Гомера, внук Иафета; брат Рифата и Аскеназа. Отец прародителя армян Ай-ка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.